

Рожденные в дожде

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Шабанов

Кирилл Александрович Шабанов

Рожденные в дожде

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540491

SelfPub; 2019

Аннотация

Наверное, звуки дождя – это самая ранняя музыка, услышанная человеком. Чарующая мелодия, побудившая создать первый инструмент и присоединиться к неудержимому творчеству Природы. И через эти гармоничные переливы, неожиданно для самого себя, человек подошел к удивительной и необъяснимой способности – прикоснуться к неуловимому, сокрытому глубоко внутри своей сущности, последнему подарку Творца, оставленному с надеждой, что познавший его однажды сможет вернуться к Истоку Начал. Итак. Это история о музыке. И о музыкантах, верных приверженцах умирающего стиля, попытавшихся, вопреки обстоятельствам, стать легендой. Содержит нецензурную брань.

Изображение—<https://www.popoptiq.com/wp-content/uploads/2018/06/guitar-photo-black-white-pop-jun26.jpg>

Все имена и прозвища персонажей – выдуманы.

Все чувства, описанные здесь—правдивы

Все герои истории – в настоящее время забыты.

А сама история – реальна только для тех, кого она коснулась.

Всем музыкальным группам, которые никогда не были известными и никогда таковыми не станут, посвящается...

Intro:

Эта история началась, как начинается дождь. С нескольких неуверенных попыток. С неловких пробных шагов, мелкими каплями бьющих мимо цели. Потом, капли укрупнились, частота ударов увеличивалась, те, что последовали за первыми, не были на них похожи, но причина их появления была той же – Катарсис, Большой Взрыв, требовавший высвобождения спящих внутри сил ради создания чего-то, ранее немыслимого... Впрочем, что я вам рассказываю... Для всех это был лишь дождь. И только для меня это было рождение и смерть Вселенной, потому что я лично знал ветер, принесший эти тучи...

Раф познакомился с будущим вокалистом их группы в душе. Как бы смешно или странно это не звучало. Ну, знаете эти души в старых общагах, принимающие в себя жильцов целого этажа? В час или два ночи туда редко кто ходит, но Раф был ночным животным с характерной бледностью кожи и синяками под глазами. Как и все обитатели ночи, днем он прятался в своей берлоге, а после захода солнца, сливаясь с тенями безымянных баров, издавал завораживающие звуки... Он пел. С группой. И, если честно, не очень успешно, о чем свидетельствовала его извечная пельменная диета и потертая куртка.

Но пел он не только в барах, а еще – в полголоса – идя утром на пары, в голове – на лекциях и, давая шанс связкам проявить весь свой потенциал – в общажном душе. Той ночью Раф, неплохо копируя Кори Тейлора, просил освободить его:

–
*Undo these chains, my friend,
I'll show you the rage I've hidden*

Видимо, он не услышал, как в общую душевую зашел кто-то еще – эхо возвращало голос обратно, где он, заливаемый струями воды, заключал беспечного певца в непроницаемую оболочку. Не успел Раф дойти до припева, как его перебил чистый и необычно объемный голос

– *I want to break free*

I want to break free

I want to break free from your lies

Нет, это не было похоже на то, как пел великий Фредди. Но было понятно, что стоявший через несколько пластиковых перегородок не стремился его копировать и... надо сказать, получалось весьма необычно. Странно и притягательно.

Пошла более горячая вода – так всегда происходило, когда работало несколько кранов; чтобы добиться хорошей температуры, одинокому посетителю этого места омовения порой даже приходилось включать несколько душей.

Раф принял вызов, зажав связки и направив звук в нос, используя йодль и похрипывая расщеплением, выдал мгновенно узнаваемое, Кобейновское

*– Load up on guns, bring your friends,
It's fun to lose and to pretend*

А потом снова запел тот, в другой кабинке. Неизвестное. Возможно, собственного сочинения. Запел опять в своей необычной манере – как бы запаздывая со словами и чередуя мягкое, очень нежное, звучание, почти сливающееся с шорохом падающей на кафель воды, с ярким, жестким и чеканящим, похожим на ровные удары капель протекающего крана.

Позднее Раф рассказывал, что когда он спросил своего но-

вого знакомого, где тот учился петь, он отвел: « Где придется». Я думаю это неправда. Ветру не нужно учиться петь. Он умел это всегда.

У них из группы ушел гитарист. Рафу пришлось самому взять инструмент, и на несколько репетиций он попросил постоять у микрофона того самого парня... Пожалуй, здесь я буду называть его Вокалистом. Это недалеко от правды.

Черт, он дал жару! Они очень быстро сыгрались. Бывает такое – ты словноходишь в транс, и музыка управляет твоими движениями. В таком состоянии невозможна ошибка, мелодия сама поправляет свое звучание, и ты, неожиданно для себя, выходишь через импровизацию.

Группа как будто заново ожила! С тех пор у них уже никогда не было мертвых проигрышей, когда у гитаристов из всех частей тела двигались лишь пальцы, а у барабанщика – только руки в локтевых суставах да судорожно подергивающиеся ноги. Нет! В движение пришло все – от резонирующих инструментов, до клубящейся вокруг энергии! Именно тогда они начали становиться чем-то большим.

Да, они пригласили этого парня на пару репетиций. Потом еще на несколько. А потом Раф окончательно разместился справа от Вокалиста...

– Пэд, ты всегда занимаешь слишком много места! В студии из-за твоих барабанов негде развернуться, но и без них ты так машешь руками, что уже дважды съездил мне по ушам!

– Иди нахер, Димон. Если б я не глушил твои уродские рифы своими барабанами, нас бы никогда ни в один бар не пустили!

– Парни, парни. Успокойтесь. Все мы знаем, что основная роль – у соло гитариста, – Слайд пригладил волосы и откинулся на спинку лавки, забросив на нее руки. Весь его вид говорил о том, что сейчас полетится очередная самовосхваляющая речь – У него наиболее ответственная часть всего выступления. Это вам не тупая долбежка. Не удивительно, что девчонки всегда достаются мне. Нет, я вовсе не хочу вас обидеть, просто... ну знаете, большинство людей не имеют таланта и прекрасно с этим живут. Не всем быть соло. Давайте честно – я один тащу всю группу. Ну, еще Вок.

Слайд, закинув голову, бросил из-под приподнятых бровей вопросительный взгляд на Вокалиста:

– Да, Вок?

Тот сидел у памятника Жукову, опершись о ногу полководца, и смотрел куда-то вдаль. Глаза были немного прищурены, а губы едва заметно шевелились – верный признак беседы с вдохновением. Значит, на ближайшей репетиции опять будет что-то новенькое. Когда он такой, говорить с ним

бесполезно.

Авторитет Вока никогда не ставился под сомнение даже Слайдом. Если подумать, он, наверно, вообще был единственным, с кем считался неутомимый виртуоз.

– Помнится мне, в последнем выступлении ты знатно лажану-у-ул,– Пэд произнес эту фразу медленно, приподняв бровь и вытянув губы трубочкой, не в силах избежать удовольствия немного приземлить зазнавшегося выскочку. Ошибка Слайда дала повод отыграться за все его нападки, и Пэд с радостью пользовался этим шансом

– Однажды, юный подаван, ты поймешь, что соло гитарист никогда не лажает. Просто иногда он играет на слишком высоком уровне, для примитивного мозга простого обывателя.– Слайд высокомерно отвернулся, но его на мгновение скривившиеся губы выдали крайнюю степень раздраженности. Он понимал, что коллектив еще очень долго не даст забыть эту чертову ошибку.

Улыбка Пэда была звонкой, как удар в крэш-тарелку.

Димон тоже был не дурак, чтобы упустить момент. Он подался вперед, разведя руки в стороны и сделав невинное лицо:

– Не парься, никто ничего не заметил,– Он сделал паузу, оставляя место для барабанной дроби в голове – Потому что мы вывели твою гитару только на мониторную линию, так что тебя было слышно только тебе самому! Впрочем, как и всегда!

Они с Пэдом выдали комбинацию дикого хохота, заставив нескольких прохожих с опаской бросить взгляды на всю компанию.

Слайд нахмурился и скрестил руки на груди, воздух с шумом прошел через широко раскрытые ноздри; он тихо выплюнул ругательство сквозь зубы и резко отвернулся. Как и все люди его темперамента, Слайд не переносил стеба над собой, считая его личной привилегией в отношении окружающих.

Стадо толстых городских голубей, мерно пасущихся на пастбище окурков и просыпанных семечек, было внезапно потревожено приближающимся Рафом, приветственно машущим высоко над головой раскрытой ладонью, как будто на концерте в момент медленной песни, когда все зажигают фонарики. Он пришел не один. С ним была невысокая стройная девушка. Шатенка, с окрашенной в голубой прядью. Три пары глаз мгновенно метнулись к ней.

Пэд поприветствовал девушку открытым добродушным взглядом с легкой полуулыбкой, как веселый щенок. Слайд, приподняв подбородок, кинул острый профессионально оценивающий взор – просканировал сверху вниз и обратно. Димон повернул голову вполоборота и смотрел как на незнакомый звукозаписывающий аппарат.

– Привет, ребят, – В ее голосе не было робости, но излишне раскованно он тоже не звучал.

Только тогда медленно повернулся Вок. Он еще не отошел

от путешествий по чертогам своей творческой души, отчего лицо его выражало легкую растерянность, как у внезапно разбуженного человека.

Их взгляды пересеклись, и Вок смотрел новенькой в глаза чуть дольше, чем это делают при первом знакомстве. А потом отвел безразличный взгляд обратно, вглубь себя.

– Здарова, черти,– Раф вытянул руку в сторону девушки,– Это Настя. Вок просил привести ему женщину, у него есть пара классных идей.

– Думаю, ты его не так понял. Вряд ли она из этих,– произнес Слайд безразлично-колким тоном, как умел делать только он. Димон попытался замаскировать улыбку, остальные сделали вид, что не слышали.

Девушка пропустила высказывание мимо ушей.

– Настя,– Обратился Раф к спутнице,– Можешь не запоминать имена этих придурков. Большинство из них откликается на собачьи клички.

Настя осторожно улыбнулась, как улыбается человек в незнакомой компании, когда шутки бьют в сторону кого-либо из ее представителей.

Вокалист прыгнул с памятника и, подойдя, взглянул на девушку еще раз.

–Я почти доработал несколько вещей, туда очень удачно подойдет женский вокал. И еще, я думал добавить его в припевах и в третьем куплете нашей последней песни.

– Той самой, где Слайд раскрыл истинную глубину своего

таланта?— Успел влезть Димон, которому все больше нравилось бесить соло-гитариста.

— Да,— Вок никак не отреагировал на шутку, в отличие от Слайда, злобно заскрипевшего зубами. Больше подколов в свой адрес он не любил только подколы в свой адрес в присутствии девушек. Да, сейчас она не понимает о чем речь, но ее неведение едва ли продержится даже до вечера.

Раф все же представил парней по именам, повторив, что не стоит утруждать себя их запоминанием, да и вообще с некоторыми из них следует общаться только в случае крайней необходимости, дабы сохранить свое психическое здоровье.

Вок быстрым движением достал телефон, кинув взгляд на время:

— Нам пора, через полчаса на студии потечет наше время.

— Через полчаса, когда зазвучит мое соло, потечет не только время,— Слайд скользнул взглядом по девушке. Никто не оценил его остроумие, и день Слайда испортился окончательно. Он с напускным безразличием повернул голову, решив, что отыграется на репетиции. О да, ему было что показать!

На город медленно находили тучи. Ветер осторожно, словно пробуя на прочность, трогал верхушки деревьев.

Студия больше походила на склад. Стены, обитые черным звукоизоляционным материалом, надежно сдерживали внутри даже мощный рев разгневанной гитары, не позволяя ему вырваться из помещения. Комната хранила секреты самых безумных рокеров, вывинчивающих на всю ручки тумблеров.

Подключение и настройка оборудования – довольно скучное занятие со стороны, но одно из самых ответственных во всем выступлении. Вечно путающиеся провода, норовящие схватить ступню неосторожного музыканта, сплошным ковром покрывали пол. Тишину рушили нестройные безобразные звуки, предшествующие подкрутке гитарных колков и подстройке эффектов комбиков. В эти минуты взятая нота ведет себя, как необузданный мустанг – она скачет вверх и вниз, ревет и взвизгивает. Гитара проверяет на прочность того, кому предстоит реализовать саму цель ее существования. И, упаси медиатор, если она сочтет его недостойным – бедняга уйдет осмеянный людским обществом под затухающие адские скрипы фальшивых звуков и не просто ему будет восстановить пошатнувшийся титул. Поверьте, упасть со сцены гораздо больнее, чем со стремянки.

Не смотря на то, что ребятам не надо было сегодня выходить на публику, студийная запись тоже требовала внимательности и точности.

И они сидели, осторожно пробуя пальцами струны, как опытный путешественник прокладывает путь через вязкую

топь – сначала проверяя легким нажатием, с недоверием, а затем укрепляясь на точке резким уверенным звуком. С хирургической точностью поворачивали ручки тумблеров на несколько миллиметров – нужно строго следить за эхом дилэя и колоритностью перегруза, ведь инструменты не должны заглушать друг друга или теряться на периферии, звукам требуется литься единым потоком, не накладываясь и не перекрываясь.

С барабанами немного по-другому. Там требуется, подобно архитектору, возвести вокруг укрепление, рассчитать наклон, как для метательных машин на вершине крепости. Выставить в идеальном геометрическом рисунке вершины каждой «башни» и расположить их на оптимальной дистанции, создав идеальный плацдарм для рождения ритма. Иначе почувствуешь на себе всю тяжесть конструкции – через минуту начнут болеть сведенные ноги, руки будут промахиваться, попадая в обод. А затем, не выдержав, крепость рухнет, придавливая тебя под собой – ты собьешься раз, другой, бесконтрольные руки выдадут последние неровные дробы, и ты затихнешь...

Воздух в комнате был столь плотным, что его можно было поцарапать медиатором. Ушла вся шутовость, задиристость – остались в старых гитарных чехлах. Наблюдатель видел бы перед собой разминающихся молодых воинов. Собранных. Отрешенных. Ведь им предстояло одновременно попасть в одну мишень. Не целясь. Находясь все время в движении.

Наконец, гитары признали в гитаристах своих хозяев, приветствуя свистящими выкриками, подбадривая завываниями. Все элементы барабанной установки заняли свои позиции и тарелки сверкнули нетерпеливым блеском.

– Зацените реальный запил!– выкрик Слайда обеспечил ему внимание окружающих. Без промедления он выпустил из узды свой талант и, начав с нескольких ярких бэндов, принялся танцевать по всему грифу. Потоптался на верхних струнах, а затем галантно начал спускаться вниз – два шага вперед, один назад – к самому основанию грифа, пока не добрался до его подножия. И принялся полоскать звук, как тряпку – множеством быстрых-быстрых рывков. Его движения были естественными и непринужденными, но сосредоточенное лицо с прикушенными губами и сконцентрированным взглядом показывало, что на разработку своего «танца» Слайд потратил немало времени. В конце он снова натянул поводья и, выдав бэнд, немного покачивая, загнал разошедшийся звук обратно в клетку звукоснимателя.

Несколько секунд потребовалась, чтобы присутствующие стряхнули замороженное, может даже, немного восхищенное, выражение со своих лиц и накинули маски снисходительного одобрения – дескать, ну да, неплохо, но бывает и лучше.

Слайд небрежно поморщился:

– Выдалось на досуге пара свободных часов, решил что-нибудь новенькое замутить...

– Звучит красиво, – одобрительно кивнул Вок, – Но в конце ты загнал. Скорость – не главный показатель мастерства. Соло должно рождать желание согнуть руки и повторять движение твоих пальцев. И твое – делает это, но до того момента, где начинается «полоскание».

– Черт, Вок, да это охеренное соло! – Слайд даже подскокил на месте, – знаешь, сколько времени на него ушло?!

– Всего пара часов, – заботливо напомнил Пэд, поигрывая палочками.

– Твою мать, заткнись, Пэд! – Слайд развернулся, найдя на ком выместить гнев, – Сиди там тихо, в углу, со своими погремушками.

– Успокойтесь! – голос Вока вылетел через микрофон, он всегда оставался невозмутимым и, немного отрешенным, словно пел на сцене балладу перед неиствующей толпой, – Димон, наиграй то, что я тебе присылал.

Глухими толчками зазвучал бас.

– Раф, сможешь подобрать риф в ми-миноре?

Ритм-гитарист крепче перехватил гриф:

– Сделаю!

– Пэд!..

– Да, да, – отозвался барабанщик, – Ты присылал ноты. Я вставил несколько брейков от себя...

– Хорошо.

Вок повернулся к Слайду, но тот не дал ему заговорить:

– Я добавлю мелодию, как только Раф определится с ри-

фами. Дай нам минут двадцать.

Вок кивнул и отошел подальше от хмурого соло-гитариста с недооцененным талантом. Достал текст, показал его Насте, и, водя пальцем по бумаге, медленно объяснил, что и как она должна петь, пока вокруг них создавалась плотная оболочка пытавшихся выстроиться звуков:

– ... Не спеши. Мы сыграем все пару раз, чтобы притерлось. Послушаешь, как звучит. Потом можешь начинать.

Она выглядела очень сосредоточенной, удерживая в голове все инструкции Вокалиста:

– Поняла.

Вок отметил серьезность, с которой она подошла к поставленной задаче. Выйдя на середину комнаты, он окинул взглядом собравшихся:

– Ну что, готовы?!

В ответ прозвучала серия барабанных ударов:

– О, да! – выкрикнул Пэд за всех. Но Вок ждал ответа от Рафа и Слайда, ведь в отличие от остальных, отработавших заранее свои партии, им пришлось импровизировать на ходу.

Слайд осторожно кивнул – он помнил, чего стоил ему предыдущий провал и не собирался повторять ошибок.

– Не волнуйся, – подбодрил его Вок, – Соло мы подберем позже, сейчас от тебя нужна только заикленная мелодия. Главное – выстроить песню.

– Ну, – он подошел к микрофону, сжал и разжал пальца

на нем, будто проверяя на прочность,— Попробуем?

Начиналось все с бас – гитары. Димон расставил ноги пошире и принялся щипать толстые струны. После двух тактов вступил Пэд, чеканя по хай-хэт короткие удары: тс-тс-тс-тс. И, далее, фееричным брейком вовлекая остальных музыкантов в игру.

Рука Рафа, нарезая риф, летала с такой амплитудой, что почти описывала полукруг, Слайд залил мелодию с подрагивающими вибрато. Толстые струны качались под пальцами Димона. Барабанная «крепость» посылала звонкие очереди. И наконец, после еще одного огненного брейка, вступил Вок.

Настя наблюдала, как меняются выражения его лица – брови поднимались над закрытыми глазами, губы вытягивались, сжимались, потом лицо напрягалось, и брови сходились, жилы на шее выступали, рот растягивался, выдавая высокие ноты. А затем, оно опять расслаблялось. Вок был ветром перед грозой, резким порывом налетающим на беззащитные деревья, будто норовя сломать их, а потом отступающим, давая возможность распрямиться, и снова накидывающимся с яростной силой.

Она стояла, и ее глаза расширялись все шире, но тем сильнее сужалось их восприятие, пока из всего окружения им не стало доступным лишь его лицо.

А Вок продолжал раскачивать маятник

Всех присутствующих охватило странное чувство единения, словно перед ними распевал свои завораживающие пес-

ни старый шаман. Вот этот момент! Теперь мелодия сама строила себя, а они – являлись только наблюдателями, удивленно следящими за происходящим вокруг. Казалось, музыка уже была здесь, еще до их прихода, ждала момента, чтобы проявиться, как внутри семени покоится раскидистое дерево. Они же – были только почвой, подготовленной годами тренировок, чтобы оно смогло выбросить в небо свою шикарную крону...

После второго припева должно было пройти четыре такта – кусочек, который потом разрастется вдвое, а то и в четверо, вместив в себя соло. В будущем, это должно было звучать превосходно. Губы Слайда дернулись в порыве сомнения, но, спустя два такта, он решился...

Его соло стало неожиданностью для всех. Эти самоутвердительные бэнды, звучавшие уже сегодня, больше не были красующимися выкриками – они стали дерзкими решительными заявлениями: Я здесь! Пришло мое время!

И остальные инструменты уступили – они подстроились, прогнав проигрыш еще раз. И еще. Покорно ждали, пока Слайд грациозно шел вдоль всего грифа, два шага вперед, один назад. В этот момент не смотреть на него было невозможно. Соло-гитарист был той дикой молнией в мелодии дождя, появляющейся, когда буря уже играет вовсю, ослепляющей яркими вспышками и показывающей самое сердце шторма...

Вопреки ожиданиям, Слайд не пустился скакать у основа-

ния грифа, вместо этого он скатился по первой струне, а затем осторожными зигзагами начал подниматься обратно наверх, закончив свое представление затихающим тремоло.

Глаза Вока неотрывно следили за этим танцем, в его взгляде читалось восторженное одобрение.

Пэд выдал тонизирующий брейк, призвав всех собраться, и они вместе рухнули в третий куплет.

Немного приглушили звучание, давая себе время отойти от произошедшего. И во всю мощь развернулись в припеве – жизнь песни подходила к концу, и она по максимуму стремилась раскрыть себя в отведенное ей время.

В завершение ворвался прощальный вихрь еще одного короткого соло, несколько раз прокрутившего одни и те же звуки и симитировавшего, затем, последние выкрики Вокалиста под триоли, щедро рассыпаемые Пэдом; последняя нота под удар в крэш-тарелку и... затихающее вибрато.

Секунд десять им потребовалось, чтобы прийти в себя. Стряхивая наваждение, они трясли головами, разминали конечности.

Настя вышла из оцепенения:

– Это было... Это было просто шикарно!– она сделала несколько попыток сказать еще что-нибудь, но, слова, выбитые из головы неземной музыкой, слишком долго возвращались к ней

– Отлично вышло!,– Вок тяжело дышал,– Не думал, что вот так сразу получится... Ну, вы, конечно, мощно вжарили!

Он перевел взгляд на Слайда:

– Отличный соляк!

Тот довольно кивнул

– Честно говоря,– подал голос Димон, подойдя к герою соло,– В первые дни нашего знакомства я думал, что тебя учила играть моя бабуля. Но сегодня ты был крут!

Басист похлопал Слайда по плечу.

–Чтобы бас-гитарист говорил мне что-то про игру!– ото-звался Слайд,– На твоей гитаре даже струн не хватает.

Бас-гитара обиженно хлопнула всеми четырьмя струна-ми.

– Не плохие сбивки,– кивнул Раф, подойдя к Пэду. Тот прокрутил палочки с широкой улыбкой:

–Мне тоже нравятся!

Настя приблизилась к микрофону:

–В принципе, мне все понятно... Можем попробовать.

– Вы как?– Вок оглядел друзей

– Готовы!– Раф ответил за всех.

Вок поправил микрофон и повернулся к Слайду:

– Сможешь повторить?

Тот кивнул, беззвучно перебирая пальцами по грифу, за-крепляя рисунок в голове, пока память новых движений бы-ла свежа.

– Тогда можно начать записывать,– улыбнулся Вок.

Verse 1:

Раф и Настя сидели на толстых трубах, идущих от старой фабрики и теряющихся в нагромождении ближайших построек, пространство между которыми звонкой линией прорезала железная дорога с периодически скатывающимися по ней электричками.

Раф курил. Перед затяжкой он перебирал пальцами, будто играл оду дыму на невидимых струнах, отчего сигарета немного покачивалась, Потом он делал резкое движение рукой, целуя бумажную трубочку с поощрительно разгорающимся кончиком, и медленно выдыхал дым, пропитавшийся нотками песен, бережно хранимых гитаристом в своих легких.

Настя задумчиво смотрела вдаль. Ее волосы, цвета молочного шоколада были собраны в пучок, из которого выбивалась голубая прядь, с озорством подкидываемая ветром.

– Что думаешь о нашем коллективе?– Раф нарушил молчание после резкого выдоха, и его вопросительное лицо торчало теперь в облаке дыма, отчего он походил на чудаковатого джинна, только что вывалившегося из своей лампы.

– Ну-у-у,– взгляд Насти приземлился с неба на кончик ее кроссовка, Она положила ногу на ногу и покачала ими, сгибая и разгибая колени.– Думаю, потенциал есть, и можно выходить на какие-то новые уровни... Не знаю, надо показать себя, но не в этих маленьких неизвестных клубках. Нам нужно что-то большее.

– Нам нужно что-то большее,– задумчиво повторил Раф.

Затем его лицо последовательно пропустило несколько эмоций – он нахмурился, потом промелькнула мимолетная улыбка, после чего вновь вернулась невозмутимость. Он явно что-то придумал, но разбрасываться идеями было не в его характере, и Настя решила оставить за ним право преподнести сюрприз в недалеком будущем.

– Да, так и есть, – снова обернулся к ней Раф, – но я имел в виду не группу в целом, а ее участников.

На этой неделе они собирались несколько раз. Записали еще немного песен и поработали над старым материалом. Вок явно не намеривался пока отпускать Настю, и в новых песнях их голоса звучали вместе.

– Нормальные ребята... не знаю, что ты хочешь услышать?

– Ну, там... – Раф задумался и его сигарета, снова приняв роль медиатора, начала выбивать риф по невидимым струнам воздуха, – Слайд, например, не сильно достает?

– Да, сначала мне он не понравился. Но если не воспринимать его всерьез, он даже забавный.

Надо сказать, что Слайд уже не вел себя с Настей, как на первой встрече. Его шуточки обходили ее стороной, как Вок, и были направлены на других музыкантов. Может, просто в день их знакомства у Слайда было плохое настроение, или дело было в том, что Настя теперь стояла рядом с Вок, и щит его неуязвимости распространился и на нее тоже.

– Да и играет он на самом деле очень здорово. Лучше, чем большинство моих знакомых, – Настя покивала, утверждая

свое высказывание, но Раф и не собирался оспаривать навыки их соло-гитариста.

– А Пэд?

– Пэд просто веселый болтун. С ним можно разговаривать и смеяться до бесконечности. Кроме того, из него прет столько энергии, что рядом даже погрузить не получится.

Раф выбросил окурок, выдавший на прощание фонтанчик искорок от столкновения с асфальтом.

– Дима... Мне кажется, у него нет особого таланта...

– Слайд ему тоже об этом все время говорит,– перебил Раф.

Настя засмеялась, немного запрокинув голову:

–Нет, он хорошо держит ритм, они с Пэдом отлично понимают друг друга, и ритм-секция получается суперская. Просто, думаю, так сможет любой басист, прочно сыгравшийся с барабанщиком. Он четко играет то, что пишет ему Вокалист, но вряд ли способен сам создать что-то классное.

– Ну, хорошо,– Раф постучал пальцами по трубе, выдерживая паузу пока сзади грохотала пролетающая электричка, напомнившая ему Пэда много лет назад, впервые взявшего палочки и безудержно стучащего во все, до чего дотягивались его руки; скользнул взглядом по крышам ближайших построек, будто проверяя их на наличие вражеских снайперов,– А как тебе Вок?

Настя смущенно убрала за ухо синюю прядь:

– Он очень здорово поет, ты и сам знаешь,– ее взгляд пры-

гал, словно она решала, что еще можно рассказать Рафу,— Но, порой мне кажется, что он очень глубоко уходит в себя. Может вообще нечего не замечать.

Смех Рафа мажорными аккордами вылетел в пространство:

– Да уж! Когда мы ехали на первую репетицию, чуть не потеряли его в метро – он даже не заметил, что мы вышли из вагона!

Переливающийся смех Насти добавился к звучным смешкам Рафа.

– Еле спасли его, а то бы так и катался до сих пор!

Они помолчали, разглядывая облака, которые ветер неугомонно гнал к своей, пока неизвестной для них, цели

« И как беспечно они следуют за ним,— думал Раф.— Полностью доверившись, хотя ветер, на самом деле, сам по себе. Он ничего не потеряет, если лишится их».

В его памяти почему-то всплыло отрешенное лицо Вока, и все они – музыканты позади, пытающиеся встать с ним в одну линию, но остающиеся все так же далеко...

Раздался звонок. Раф достал телефон, сыплющий мощные барабанные удары залитые сумасшедшим соло. Стоило только вспомнить – вот и он. Раф взял трубку и поставил на громкую связь:

– Да, Вок?

– Привет,— его голос звучал сквозь помехи,— Я, наконец, нашел нам нормальное место. Думаю, они пустят нас на сле-

дующих выходных. Но дело в том, что там берут группу на всю ночь, так что... нашего материала явно не хватит, начнем с чего-нибудь известного. Долбанем пару песен Металлики или Nirvana. Подберем, в общем, плей-лист. И через каждые две-три композиции будем вставлять свое. Ты когда на этой неделе свободен?

– Да как всегда, – Раф пошевелил губами, прикидывая, – Каждый день после шести. Кроме вторника. И среда – нежелательно. Я вот тут вспоминал... Помнишь моего кореша, из того клуба, где нам наливали за счет заведения? Он мне недавно такую тему сказал – в общем, у него есть брат, у которого есть друг, у которого есть жена... ну короче, ее подруга работает секретаршей одного крутого мэна. И эта подруга жены брата (Тут Раф задумался), нет, жена подруги кореша моего брата... его брата... Не суть, она будет здесь проездом. А этот чел, ее босс – большая шишка. Он занимается организацией фестивалей! Крутых! Не тупо слет байкеров, а как положено – плата за вход, охрана, всякие там, фургончики с мороженым... Я передам корешу наши записи, чтоб он передал ей, а она ему. Этот чел тоже будет здесь, но в конце недели, и заинтересован в новых группах.

– Отлично! Стоит попробовать!

– Да! Я не хотел это пока говорить, думал, будет сюрпризом. Но, наверно, ты должен знать.

Насте представилось лицо Вока с одобрительно – поощряющей улыбкой.

– Хорошо! Будем надеяться, ему понравится! Тогда, пока есть время, стоит подготовить побольше материала. Настя недавно показала мне одну свою песню...

– Ты показала ему песню?! – переспросил Раф у Насти.

– Ну да, – скромно ответила девушка.

– Она с тобой? – выбился из динамика голос Вока.

– Да, привет! – отозвалась Настя, опередив Рафа.

– Привет. Напиши мне потом, хочу обсудить пару деталей.

– Хорошо.

– Да, и, Раф, – Вок сделал небольшую паузу, – В этой песне будет соло на двух гитарах. Слайд уже работает над этим. Вы будете звучать из разных углов, будто переговариваясь друг с другом.

Раф скривился:

– И как он это воспринял?

– Ты его знаешь. Сидит недовольный и пишет твою партию.

– Ладно, сработаемся, – Раф уже представлял, сколько поучений ему придется вынести, репетируя со Слайдом. Он старался не думать, что ответил эксцентричный соло-гитарист, когда Вок сообщил ему эту новость.

Они распрощались, и, провожая Настю до метро, Раф прикидывал, как бы выбить на неделе еще несколько часов дополнительного времени. Выучить соло, тем более, написанное Слайдом, задача не из легких.

– Пэд, ты вообще нормальный?– Слайд стоял, широко раскинув руки, глядя на барабанщика, вертящего в руках корбочку чая. Они блуждали между полок одного из многочисленных супермаркетов, сеть которых уверенно расползлась по всей стране.– Кто в нашем возрасте пьет чай?! Тебе сколько лет?! Это вредно для здоровья – он портит зубы. А если еще и с сахаром – это прямой путь к диабету! Возьми пива!

– И то верно,– Пэд осторожно вернул опасный продукт на прилавок.

– Парни, я взял курочку,– Димон растерянно стоял в центре магазина с мороженой тушкой в руках. Он перевел детский взгляд на Слайда.– У тебя же дома есть микроволновка?

Слайд, не рассчитав силы, звонко ударил себя по лбу рукой:

– Еще один! Ну почему вас надо всему учить! Выкинь этот кусок льда туда, где нашел! Возьми готовую – вон гриль стоит в углу!

– Застрял здесь с колотушкой – переростком и недогитаристом,– проворчал Слайд, подходя к стеллажу с чипсами. Он придирчиво перебирал пачки, думая, что подвезить на своей тачке этих двоих было плохой идеей. Добрались бы как-нибудь сами. А из-за дикой долбежки в машине от му-

зыки Пэда, включившего трек со словами « Ну вы просто обязаны заценить эту жесть прямо сейчас!», он пропустил поворот и они встали в пробку.— Курочку он, б*ть, взял.

Бабульки обходили их стороной, поглядывая с опаской. Их пугала внешность парней, как яркая окраска ядовитых тварей отпугивает «мирных» животных. Слайд злобно зыркнул на одну, смотревшую пристальней остальных, отчего она стремительно заковыляла за своими соседками.

Наконец, он кинул несколько пачек в корзину и пошел собирать товарищей по магазину, уверенный, что они беспомощно блуждают в незнакомом, пугающе странном пространстве супермаркета.

– Ну что вы здесь встали! На кой ты взял это печенье? Выбрось каку!— он вырвал печенье из рук Димона и, пока тот не опомнился, бросил,— Идем на кассу!

Старенькая кассирша неторопливо пробивала их добычу, вываленную из корзины, не отводя взгляда от парней, пока Димон писал кому-то СМС, Пэд выстукивал ногой по полу, прихлопывая ладонями по ляжкам, а Слайд стоял, закатив глаза.

– Семьсот двадцать девять,— осторожно подытожила она.

– Есть три сотни?— Слайд перевел взгляд с барабанщика на гитариста и обратно. Пэд неуверенно похлопал себя по карманам.

– Я думал, ты заплатишь,— растерянно произнес Димон
Слайд сжал зубы, мотнув головой:

– Картой!– он резко достал пластиковый квадратик, сми-
рившись с ролью няньки.

Уже на выходе зазвонил его телефон:

– Да-а-а, чтоб тебя!– от выкрика гитариста стоящий рядом
ребенок испуганно подпрыгнул, и быстро подбежавшая ма-
ма заторопилась увести его подальше. Когда Слайд доставал
телефон, одна из ручек пакета вырвалась из его цепких паль-
цев, и мешок опасно накренился, едва не вывалив содержи-
мое на пол,– Да, Раф! Какого хрена тебе нужно?!. Нет! Не
надо ко мне приезжать!.. Да, я помню про твое соло!.. Нет,
я не буду его упрощать! Сыграешь так!.. Мне похрену–бери
гитару на пары и репетируй там! Или скажи Воку, что ты –
бездарное чмо, и попроси его убрать твое соло из песни! То-
гда мы быстрее ее запишем, и мне не придется возиться с
тобой, как с ребенком!

Он перевел взгляд на стоящих рядом товарищей:

– У меня тут уже есть двое!..любителей печенья!

Слайд бросил трубку и быстрым шагом пошел к припар-
кованной тачке.

Chorus 1:

Оборудование было готово. Здоровые колонки, предвку-
шая грядущую бурю, готовились направить в зал всю свою
мощь. Стройным рисунком пролегла мониторная линия, по-
вернув динамики туда, где вскоре встанут музыканты, ожи-

дая момента, когда представится шанс выполнить свою задачу— направить звук в лица выступающих, чтобы они точно слышали свое творчество и работу команды, потому что звук из колонок-усилителей—огромных по краям сцены— бьет направленно, в зал, и на сцене его слышно плохо.

Зал был полон. Люди делали заказы, флиртовали с противоположным полом, покачиваясь под ненавязчивую фоновую музыку. Никто не смотрел на сцену, за которой в «гримерке», заваленной различной аппаратурой, находилась группа, производящая последние приготовления.

В зале был тот самый человек, организатор фестивалей. Раф, по настоянию, Вокалиста, все же рассказал о нем остальным. Он прослушал записи группы и ему понравилось. Очень. И теперь, сидел где-то там. И он ждал.

Ни при каких обстоятельствах нельзя было ударить лицом в грязь! Легкое волнение – чувство, которое они забыли уже давно, после стольких выступлений – оказывается, все это время скрывалось где-то в начинке их гитар, во внутренностях комбиков и, затаясь, ждало этого момента.

Димон нервно теребил струны выключенной гитары, барабанщик фигачил по пэду – резиновой подушечке, предназначенной для отработки барабанных ударов— в честь которого и получил свое прозвище много лет назад.

Слайд повторял с Рафом их партию – самую сложную часть всего выступления, когда их соло должны были звучать вместе.

Настя прогоняла про себя песни. Даже Вок заметно нервничал – сидел на комбаре и стучал пальцами по коленке.

Телефон резко оборвал Рафа во время бэнда. Он быстро схватил трубку:

– Да!..Сейчас спущусь!

– Куда! Мы выходим через пять минут!– Слайд загородил ему проход, гитара на его плече висела, как топор сурового стража.

– Свали! Это срочно! Ща поймешь,– оббежав Слайда выкрикнул Раф спускаясь по металлической лесенке.

– Что он творит?!– Димон возмущенно подпрыгнул на месте.

– Без понятия!– недоуменно откликнулся Вок.

Через пару минут гитарист вернулся с коробкой в руках:

– Это был курьер.

Запыхавшийся Раф поставил коробку на комбик и принялся распаковывать ее.

– Какой, в жопу, курьер! Хрен ли ты делаешь?!– накинулся на него Димон, но тот не слушая, вытащил сложенную футболку, приложил к груди, а затем отпустил ее край. На черной плотной ткани изящным шрифтом было выведено: « They want something more».

Все собравшиеся смотрели на довольного Рафа, торжественно держащего футболку, словно флаг.

– Там еще есть, разбирайте!

– Что это?– Пэд недоверчиво ткнул барабанной палочкой

в надпись.

– Название нашей группы! Настя подкинула идею!

– Я?!– удивленно воскликнула девушка.

– Да, пару недель назад, там, у старой фабрики,– Раф при-
нялся раскидывать футболки из коробки в руки музыкантов.

– Неплохо!– оценил Вок,– Переодеваемся и выходим.

Голос Вока вливался в микрофон, штормовыми порыва-
ми опрокидывался в зал, затягивая в себя слушателей, слов-
но опавшие листья. Они и не пытались сопротивляться – ка-
чались под его потоками, очарованные вихрем, пока дождь
люющей музыкой уносил их все дальше от реальности.

Настя стояла рядом с Воком и, периодически, их голоса
принимались кружить вместе; как при смешении холодного
воздуха с теплым, это рождало торнадо. У стоящих в зале
не было шансов – их неумолимо затягивало в воронку, а бу-
шующее вокруг цунами, вызываемое телами инструментов,
ускоряло процесс, пока все крупинки свободного внимания
не были окончательно поглощены прожорливой сценой.

Вок играл с этими людьми в своей манере, периодически
ослабляя контроль, давая опомниться, а затем, снова беря
власть над ними. Гитарные переливы, подталкиваемые бара-
банным ритмом, подчиняли их тела, и как любая буря, рож-
дали наслаждение бушующей вокруг мощью энергий.

Песни перетекали одна в другую, мокрые волосы прилипали к лицам, легкие пытались втянуть больше воздуха. Тарелки качались от яростных ударов, натянутые струны натужно визжали. Но никто из стоящих на сцене не беспокоился о толпе внизу. Их волнение исчезло еще с первыми аккордами – инструменты преданно поддерживали своих хозяев. Мыслей не было, и они полностью погрузились в процесс, оставив от себя прежних лишь оболочки-тела, слившись внутренне с бушующим штормом.

И в момент, когда должно было зазвучать его соло, Раф не чувствовал ничего, кроме экстаза. Они со Слайдом стояли в разных концах сцены. И теперь – вышли вперед, затенив на несколько минут Настю и Вока. Слайд выдал серию звенящих звуков. Раф ответил несколькими легато. Слайд повторил, но на тон ниже. Резко. Отрывисто. Под стать своему характеру. Раф продолжил мягкими бэндами, звучащими, как бы, просящее. На что Слайд снова огрызнулся свирепыми вспышками. Раф, потянув очередной бэнд, принялся ходить по кругу в хроматической гамме. Слайд догнал его, повторяя движения ближе к началу грифа – на тон выше. Они начали медленно сходитьсь, словно ковбой на дуэли. Не меняя темпа, шаг за шагом передвигали ноги, пока грифы их гитар не скрестились. Раф почувствовал, как слилась мощь двух потоков. Его трясло. Слайд тоже ощущал это – то подавался вперед, то откидывался назад. Раф запрыгал к верхушке грифа, хищным клювом резавшей воздух. Слайд засвистел

несколькими вибрато, дополнив их искусственными флажолетами и, после короткого бэнда пустился в «полоскание» самых высоких нот, одобренное Воксом на предшествующих репетициях. А Раф, тем временем, повторял его предыдущие вибрато, разрывая их недолгим бэндом. Пэд, ударив в крэш-тарелку, дал сигнал к окончанию их дуэта и затихающие колебания проводили очередную песню.

Выступление подходило к концу. Пришел черед последней песни, в которой Настя с Воксом плотно переплели голоса под глухие всплески бас-гитары. Пэд заглушил барабаны, играя, в основном, в хай-хэт и малый. Раф перебирал струны сверху вниз, а Слайд вставлял коротенькую мелодию из нескольких нот после каждой строчки песни. В зале начали покачиваться – затихающая рябь, провожающая ушедшую бурю.

Когда отзвучал последний припев, Соло гитарист вышел в центр сцены. Приглушенный луч света позволил увидеть, как он надевает на безымянный палец металлическую трубочку – слайд – которая навеки обеспечила его прозвищем и помогала воплотить его коронный номер. Он принялся растирать этой трубочкой звук по всему грифу. Движения были очень плавными, элегантными, а мелодия приобрела особые свойства – стала густой, начала растягиваться. Она обволакивала зал, медленно стекая с грифа, как мед, поймав в сладкий плен слушателей, увязавших в ней. А Слайд все водил по грифу рукой, казалось, он просто гладит уставшие

струны, успокаивает их, баюкает.

Соло гитарист дал последнюю басовую ноту. И все закончилось.

Через десять минут после окончания, они вышли в зал – уставшие, но довольные – и направились к барной стойке через плотную толпу, что-то кричащую и похлопывающую их по спинам.

– Это было одно из лучших наших выступлений! – воскликнула Настя, убирая с лица мокрые волосы.

– Да уж! – Слайд кинул взгляд на Рафа, – А ты неплохо сыграл! Пожалуй, из тебя мог бы получиться соло-гитарист!

– Сегодня все были на высоте! – похвалил Вок

– Народ явно не ожидал такого! – Димон с довольным видом растирал уставшие пальцы.

Вспотевший Пэд уже делал заказ.

– За мой счет! – раздался повелительный голос за их спинами, обращенный к бармену.

Они резко обернулись и увидели перед собой солидного мужчину в дорогом костюме, смотревшимся довольно странно в этом месте, куда все приходят в рваных джинсах и моднявых футболках. Музыканты совершенно забыли о потенциальном продюсере, ради которого и замышляли свое шоу

– Можете звать меня Анатолий. Думаю, по имени-отчеству будет слишком официально, а нам придется часто видеться в будущем.– важно произнес он.

– Заметано, Кэп!– Пэд благодарно пожал его руку.

Мужчина немного растерялся от такого обращения барабанщика, но быстро вновь принял официальное выражение лица

– Вижу, вы – ребята целеустремленные,– он вежливо улыбнулся, кивнув на надписи на футболках, и покачал кистью со сжатыми указательным и большим пальцами, изображая медиатора.–Думаю, мы сможем наделать вам этих штук с вашим логотипом. Будете бросать их в толпу на своих концертах. Целиком название, конечно, не влезет, но возьмем пример с Red Hot Chili Peppers и сделаем аббревиатуру. Подкинем вам оборудование и, так, по мелочи. Ну, как я могу вас называть?

Раф перечислил прозвища тех, у кого они имелись, последовательно ткнув в друзей пальцем, на фоне которых блекло прозвучали «Димон» и «Настя», Анатолию стало смешно:

–Это имена или стиль жизни?

– И то, и другое,– несколько не смутившись, ответил Раф.

Они стояли, два антагониста – один аккуратно причесанный, отутюженный, с дорогими часами и одеколоном, другой– взъерошенный, растрепанный, анархичный. Порядок – и свобода.

Бармен поставил их напитки на стойку.

–Тогда пойдёмте, обсудим все поподробнее!–призывно воскликнул Анатолий и направился к дальнему столику.

Verse 2:

*Сидел под тенью дерева художник,
А где-то далеко взрывались звезды,
А где-то далеко сгорали солнца,
Планеты поглощал бездонный космос*

*Сидел художник. На его картине,
Лучи так ласково баюкали долину,
И, словно стадо молодого пастушка,
Паслись на небе кучевые облачка*

*А где-то разбивались в пыль планеты,
На части разрывали их кометы,
Смертельно-жгучие лучи пульсара,
Срывали атмосферы покрывало...*

*Был на картине двухэтажный домик,
И на крыльце сидели мама и ребенок,
Струилась поперек долины речка,
И в лодочке старик сидел беспечно.*

А в бесконечном ледяном пустом пространстве,

*В глубоких черных дырах свет терялся,
Необъяснимые, ужасные моменты,
В секунду прекращали жизнь планеты*

*Сидел художник в этом хрупком мире,
Но как неуязвимы на его картине,
Под деревом, цветущим на холме,
Влюбленные на тоненьком холсте...*

– Из альбома Вока.

Жаркий солнечный день застал их, отдыхающих, в летнем кафе. Ветер перебирал листья деревьев, словно педантичный музыкант – медиаторы. В парке, где находилось кафе, снова ли толпы беспечных прохожих, создавая препятствия стройным спортсменам и звякающим колокольчиками велосипедистам.

На веранде за длинным столом, предназначенным для большой компании, сидела вся группа. Продюсер не подкачал – за последнее время они открыли несколько мероприятий в городе, приглашенные туда в качестве «живой музыки», и сыграли концерт в Парке Горького на одном из праздников. Их будущее теперь было в надежных руках, и они позволили себе насладиться настоящим.

Слайд привел с собой какую-то девчонку, которая в нагрузку притащила еще и подругу. Они без всякого выраже-

ния смотрели на музыкантов ярко накрашенными глазами, и мало говорили – в основном смеялись над шутками, а во время разговора других переводили взгляды с одного говорящего на другого, немного приподняв уголки пухлых алых губ. Кроме своей внешности, они не оставляли в памяти ничего. Они были как винтажные педальки дилэя, которые сразу привлекают внимание, но после недолгого их использования хочется вернуться к старому, потертому, но удобному, «тапку».

Вок сидел, обнимая Настю. Они теперь жили вместе, имея возможность снимать квартиру в неплохом районе, да еще и рядом с метро. Вок недавно получил диплом и потому был абсолютно свободен. Его дни проходили в музыкальных репетициях и подготовках к ним, да раз в месяц группа выезжала на концерт. Порой, правда, приходилось возвращаться к старой жизни, выступая в барах, так как эти выезды, по понятным причинам, не могли быть регулярными.

Слайд тоже закончил свой экономический университет с довольно известной аббревиатурой, и, по его словам, теперь бережно хранил диплом на кухне под раковиной, рядом с мусорным ведром.

Остальным предстояло еще немного погорбатиться ради будущей профессии, но они надеялись, что вскоре им не придется часто появляться на парах, или, даже, вообще пропадет необходимость туда ходить.

Пэд увлеченно рассказывал какую-то историю, перио-

дически перебиваемый короткими уточняющими сводками Димона.

– Знаете, за что я люблю рок?– Пэд откинулся на спинку стула и потянулся за пивом.– Это свобода! Свобода быть теми, кто мы есть! Без ограничений! Как бы жутко ты не выглядел, тебе всегда найдется место. Никто не станет навязывать тебе тупые правила. Никто не вешает дичь и не достает своими загонами типа – не ходи в шапке в помещении, снимай перчатку, когда здороваешься. Вроде мелочи, но нас пытаются ограничить даже в них! Или, к примеру, у нас одна преподша не поставила «зачет» девчонке с пирсингом в носу, потому что «что у тебя за внешний вид на экзамене»! Какой же бред! И таких людей, которые вечно пытаются заставить тебя плясать под укулеле тараканов в своей голове – очень много! Очень! Стоит тебе что-то сказать, или просто не так выглядеть – и начнется! У нас, вот еще пример, один препод вечно требовал наличие своих лекций. Я сказал, что записываю только то, что считаю нужным и чтоб он не беспокоился – ведь то, как я буду сдавать экзамен это моя проблема. Вежливо так сказал! На что он начал орать на меня, старый осел! Думал, я ему не отвечу! Ошибался! Пошел куда подальше! Правда, потом на мне долг висел полгода... Но мне удалось сдать через другого препода.

Разгоряченный Пэд сделал несколько больших глотков пива из прохладной стеклянной кружки и, немного успокоившись, продолжил:

–Я это к чему – в нашей тусовке никто тебе не скажет, что и как ты должен делать. Всем плевать, в чем ты придешь, хочешь вставить в нос барабанные палочки – делай! Хочешь тусить– подойди к любому из наших! Ты пришел –все рады! Ушел – никто не расстроился! И главное – ни в чем не виноват! «Мы просили виски, а ты купил текилу». Черт, чувак, ты принес бухло – молодец! «На моей паре я не разрешаю вам пить кофе» – Да я пью пиво на твоей паре! А одна бабка мне сказала, что у меня неподобающий внешний вид. Я ответил, что старая кошелка тоже не то, что я хотел бы лице-зреть. Она орала так, что наверно перекрыла бы собой мои барабаны!

Пэд, наконец, выдохнул и потянулся за солеными закусками

– Что верно, то верно,– Димон пожевал кальмарик и сообщил девчонкам, приведенным Слайдом,– Между прочим, музыканты всегда обращаются друг к другу на «ты», независимо от разницы в возрасте – считается, что все равны перед Хард Рокком. *Вольные* музыканты, конечно – не эти, всякие, из филармоний.

–Большинству легче принять цепи, чем свободу. – Раф потянулся за соусом для колбасок,– Недавно ко мне ночью завалился огромный такой парень–сосед через коридор. Ему не очень нравился Slipknot. Согласен, тяжеловато. Я и сам предпочитаю рок, но, иногда же, хочется и металла! Но он сказал, что в половину первого ночи очень раздражается, ко-

гда не может уснуть. Бедняга страдал бессонницей – и я порекомендовал ему препарат! Я думал, он побьет меня! Но все обошлось моим выселением, так что я переезжаю в более старое крыло общаги, где, надеюсь, меня не будут доставать. Завтра перекидываю вещи.

– Пару лет назад, – подхватил эстафету повествований Слайд, – я хотел устроиться консультантом в один магазин. Они долго ломались – тоже были претензии к моему имиджу. В первый же день меня уволили – у них играла какая-то лажа, я решил поднять настроение покупателям и поставил свой плей-лист. Я терпел, пока верховный чел орал на меня, но, когда он назвал Black Sabbath тупой херней, я разбил ему нос.

Слайд, героически постоявший за честь рока, отхлебнул из свежепринесенной кружки пенного.

Вок улыбнулся, и они начали о чем-то перешептываться с Настей. Ветер трепал их волосы и заглушал голоса.

Мимо прошла группа подростков с колонкой, выплевывающей современный рэп. Музыканты с презрением проводили их взглядами.

– Если мои дети будут слушать рэп, я откажусь от них! – с чувством выдал Пэд.

– Если у меня будут дети, я сяду на ближайший рейс до Владивостока! – Слайд откинулся на спинку стула и повернул голову к своей яркой спутнице. – Ты поняла меня, милая?

Та недовольно скорчила личико, что-то ответив. Было понятно, что Слайд не провстречается с ней и пары месяцев. Забавно, что он так часто менял девушек не потому, что был неугомонным гулякой, а из-за расхождения их музыкальных вкусов. Как только выяснялось, что девушка слушает современную музыку – Слайд исчезал в клубах дыма, оставленных лысой резиной его тачки.

– Да уж, музыка нынче ни к черту, – продолжил Пэд, отхлебывая, и бросил насмешливый взгляд на Димона. – А помнишь, в детстве твоя бабка говорила тебе: «Не водись ты с этими рэкетами!», а ты пищал: «Ба, они рокеры! Рокеры!». Черт, она до конца дней звала нас рэкетами! Ты ведь застал ее, Слайд? Она была жива года три-четыре назад, когда мы с тобой познакомились. Вроде, ты видел ее один раз, когда мы не успели вовремя смыться из Димоновой хаты. Она не называла тебя рэкетом?

– Хорошо, что не рэпером, – вступился за старушку Димон. – Я пытался ей объяснить, но она никак не хотела слушать.

– Если бы твоя бабка назвала меня рэпером, клянусь своим медиатором – она бы скончалась преждевременно! – Слайд резко опустил бокал об стол.

– Слайд! – возмутилась Настя под всеобщий смех. – Нельзя так говорить!

– Неужели ты до сих пор так плохо его знаешь? – обратился Вок к девушке, а затем кивнул соло-гитаристу. – Рас-

скажи ей историю, которую поведал нам, когда в прошлый раз подкидывал до метро – про свой школьный выпускной.

Слайд засмеялся:

– Да, круто тогда получилось! Сколько лет вспоминаю – и только все больше горжусь собой! На выпускном я должен был сыграть какую-то попсу. Чтоб у всех слезы навернулись от расставания со школой! Но мне там никогда особо не были рады. На репетиции я послушно отыгрывал свою соплившую роль – терпел, ради одного момента! И, когда вышел на сцену – а в зале были все учителя, родители и прочая шелуха – я сыграл Slipknot – Psychosocial! Надо было видеть их лица! Я даже не стал слушать, когда они попытались наорать. Сразу ушел, попросив перед этим прислать запись с выступления!

Под общий смех к ним подошел какой-то мужик с глупой улыбкой:

– Кхм, привет!..Э-э-э, как называется ваша банда?! Слушайте, можно с вами сфоткаться?

От неожиданности они немного растерялись, и, не встретив возражений, мужик нарезал несколько селфи, после чего опять тупо улыбнулся, скорчил рожу и, показав «козу», прохрипел: «Ну, давайте!», а затем исчез, петляя между столиками.

– Я сейчас не понял... – медленно протянул Слайд – Какая банда? Он нас что, с байкерами перепутал?! С этими боролатыми велосипедистами?!

– Скорее с готами, – подумав, ответил Раф.

– Да насрать! Люди в край охренели! Это страна совсем не ценит своих героев!

– Ой, ну какой из тебя герой? Что ты сделал героического? – тоненьким голоском спросила «кукла», сидевшая рядом со Слайдом

– Детка, когда я родился, то кричал, как Стивен Тайлер в песне «Dream on»! Мои пальцы начали бегать, пока ноги учились ходить! Не говори мне, что знаешь что-то о подвигах!

– За все время, пока я тебя знаю, ты ни разу не высказался о себе скромно! – Раф нежно разламывал крылышко

– Если ты хорош в своем деле – не стоит это скрывать! Если бы тебе было чем гордиться, ты бы меня понял! А знаешь, в чем между нами разница?

– Я гораздо меньше говорю о себе? – Раф запил перченую курятину.

– Твоя гитара висит над кроватью, а моя ночует со мной! – не обратив на его фразу внимания, Слайд сделал победный глоток – Ты проводишь с ней слишком мало времени!

– Я только что нашел еще одно отличие – я не принимаю свою гитару за девушку! – Раф снова потянулся к тарелке.

– Хватит вам! – Вок поднял бокал. – Давайте! За Рок!

– За Рок! – громким выкриком подхватили остальные, и звук столкнувшихся бокалов зазвенел, как крэш-тарелка.

У Слайда завибрировал телефон. Он медленно достал ап-

парат.

– Это босс!– Он кинул взгляд на остальных, поставил пиво, взял трубку и перевел на громкую – Да, Кэп!

– Привет! Ваш вокалист не отвечает, звоню, вот, тебе.

Слайд вопросительно посмотрел на Вока. Тот невинно развел руками:

– Сел.

– У меня хорошая новость!– продолжал Анатолий–В августе вы едете на фестиваль « Нашествие» в Тверскую область! На трех сценах выступят около сорока групп! За несколько дней фестиваля вас услышат порядка двухсот тысяч человек!

Под его восклицающие возгласы у музыкантов загорались глаза , удивленно поднимались брови. Пэд, не веря своим ушам, что-то шепотом переспросил у Рафа; Вок, закусив губу, с силой хлопнул Димона по плечу и потряс его, потом повернулся к радостно подпрыгивающей на стуле Насте и с чувством поцеловал ее. Раф дал пять Слайду и резко согнул руку со сжатым кулаком, сдерживая за плотно сомкнутыми губами восторженный крик.

– Черт, ну ты, мужик, реально крут!– Слайд не сразу нашелся, что сказать продюсеру.– Ты – наш человек! Ты, мать его, чертов Гудини!

– Кхм, думаю, вы понимаете масштаб, и ваш материал будет безупречен,– Анатолий не мог привыкнуть к такому стилю обращения музыкантов, принимавших его за часть своей

тусовки.

– Естественно, Кэп! О чем речь! Сегодня же переезжаем жить в студию!

– Хорошо. Тогда, передай своим. Я еще свяжусь с вами позже... И еще... Я все же попрошу называть меня по имени...

– Заметано, Кэп!

Слайд бросил трубку и выбросил вверх руки, запрокинув голову:

– Да-а-а! Вот так! Еще немного и наши хиты будут играть везде!

Его «кукла» похлопала в ладошки, издав радостный визг, и полезла обниматься.

– Обожаю этого Антония! – Раф не мог сдержать бурю эмоций.

– Зови его «Кэп», ему не нравится, как звучит его имя! – Важно сказал Слайд, отвлекаясь от поцелуя с девушкой.

– Народ, народ! – Вок призвал к вниманию. – Мы почти это сделали! Почти вошли в историю рока! Я горжусь вами, тупые ушлепки!

Под грохот отодвигаемых стульев бокалы врезались друг в друга, и яркий солнечный луч озолотил их содержимое.

– Раф, я не буду подвозить твоего отбитого кореша! –

Слайд ловко выруливал между машин, почти так же, как «танцевал» на грифе своей гитары.

– Почему? Мы же едем мимо! – Рафа кидало из стороны в сторону на переднем сиденье тачки, направлявшейся на музыкальную базу.

Неделю за неделей они репетировали. Музыканты и раньше уделяли немало времени тренировкам, но с такой нагрузкой столкнулись впервые. Вокалист с Настей бесконечно работали над новым материалом и над улучшением старого у себя дома. У Пэда уже сводило судорогой конечности, а гитаристы стирали себе пальцы в кровь. Но они каждую минуту проводили в предвкушении предстоящего шоу.

– Потому что он самый двинутый из всех, кого я знаю! – Слайд обогнал очередного, громко засигналившего вслед, водилу.

– Но мы ему косвенно обязаны! Помнишь, это же он свел нас через своих знакомых с Кэпом! – Раф, пытаясь хоть за что-нибудь ухватиться, уперся рукой в панель перед собой.

– Вот я его и подвезу косвенно – скажу номер автобуса. Могу даже скрин маршрута скинуть.

– Но, Слайд! Он ждет! Мы с ним договорились! К тому же, он сказал, что знает про какое-то шоу, которое собираются вскоре развернуть на ТВ для молодых рок – музыкантов! Там будет что-то вроде состязания с призом в конце. Уже идет набор групп...

– И ты молчал?!

– Да он только сегодня сказал! Когда звонил и просил подбросить его. Сказал, по дороге расскажет!

– Где этот хрен нас ждет? – настроение Слайда резко переменялось

Парень, о котором шла речь, был отбитым на всю башню. Если Раф, в силу своей общительности, был знаком, наверное, с каждым десятым музыкантом Москвы, то этого, наверняка, знал каждый второй. О нем слагались легенды, он был узнаваем во всех тусовках на самых крупных репетиционных базах города. Он скитался от группы к группе, на его концерты приходили «просто заценить того безумного чувака». В те незапамятные времена, когда он обзавелся длинными толстыми дредами и пробил уши, семья отказалась от него. Нисколько не смущенный, он навешал на пальцы перстней, запасся травой и пошел рубить металл. Кликуха у него была соответствующей. Все называли его просто – Фак.

Слайд затормозил, крикнув в открытое окно идущему к ним в полуприсяде укурку:

– Давай быстрее! Здесь нельзя останавливаться!

Прыгнув в машину, тот громко хлопнул дверью:

– Хей, еп! Как оно?

– Если ты сблоешь в тачке, клянусь – выкину тебя на трасу! – ответил на радостное приветствие Слайд.

– У нас все круто! Тот чел, которого ты подогнал, заценил наши песни! Он отправляет нас на «Нашествие» в конце лета! – обернувшись на заднее сиденье, выкрикнул Раф.

– Гонишь! Охереть!– суженные красные глаза широко раскрылись. –О-о, Еп! С вас ящик водки и билет в фан-зону!

–Думаю, достаточно того, что мы тебя подвезли,– Слайд сделал резкий поворот. – Но, может, достанем тебе билет на новое рокерское шоу, если подкинешь инфы что там, да как.

–Какое шоу? – Фак посмотрел долгим непонимающим взглядом на Слайда.

–Это ты мне скажи! То, которое собираются пустить по телеку!

– Да, про которое ты говорил по телефону утром!– Раф снова обернулся к распластанному на заднем сиденье знакомому.

–А-а-а, это! – его дреды прыгали от тряски в машине. – Чуваки, я это... просто реально срочно надо было доехать...

– Не понял...– Слайд кинул острый взгляд в зеркало заднего вида.

– Ну, это шоу... Оно вряд ли выйдет....По – правде, они уже распускают участников...

– Ты с**здел нам?! – пальцы Слайда сильнее сжали потертый руль.

– Подожди,– Раф внимательно посмотрел в расплывающиеся глаза Фака,– но проект был, так?

– Да! Ну, возможно... Нельзя ведь отвергать вероятность, что кому – то когда-то приходила в голову такая идея!

–ФАК!!!– выкрики Рафа и Слайда слились, как соло двух гитар с того, судьбоносного для них, выступления.

– Ну, парни! Нахрена вы ломались, вы же мимо ехали! Могли взять, когда я просто попросил!

Слайд остановился в указанном месте, вовсе не соответствующем тому, которое косматый музыкант называл изначально, из-за чего пришлось отклониться от планируемого маршрута. Вывалившийся из машины Фак подошел к окну передней двери и жестом попросил опустить окно:

– Парни, я буду следить за новостями! Если такой проект появится, первым делом сообщу вам! Обязательно! Я позволю, когда вы поедете на «Нашествие». Вдруг, будет свободное местечко – я бы прыгнул в прицеп! И, если кто-то из вашей группы вдруг не сможет выступить, я мог бы подменить...

Слайд вжал в пол педаль газа:

– Сделали дикий крюк из-за этого у*бка. Теперь через пол-Москвы разворачиваться...

– Извини. Мне казалось – правда... – Раф сокрушенно покачал головой.

– Никогда не думал, что скажу, как Димонова бабка, но: «Не водись ты с этими рэкетами!»

Слайд вывернул руль, и направил авто к репетиционной базе, где их, наверно, уже ждали. До наступления звездного часа предстояло еще много работы...

Chorus 2:

Народу было очень много. Рассеянные по местности, всю-

ду сновали обернутые в кожу неформалы, пестря раскрашенными волосами, собранными в дикие прически, на всей одежде которых рваным шрифтом были вырезаны резкие нечитабельные надписи. Шипы на плечах опасно блестели, когда они что-то курили с девушками, одетыми в плотно облегающие кожаные штаны и какие-то полупрозрачные сетки, с накинутыми поверх жилетками. Поплывший макияж выдавал состояние фанаток, смелые взгляды пристально рассматривали такие же подозрительные компании, проходившие мимо, а черные губы скрывали звериный оскал. Татуировки образовывали витиеватые рисунки на всех открытых частях тела, и еще столько же, наверняка, пряталось под одеждой. Многочисленные перстни сияли, как навершия гитарных колков.

Ярые фанаты всегда выглядят более необычно, чем их кумиры.

Вокруг были хаотично разбросаны какие-то палатки и фургоны, торговавшие всем, что подходило по тематике, а так же небольшие вагончики, предлагавшие на выбор различные комбинации пива с жареным мясом.

Все загадочные ночные существа, целый год прятавшиеся от людских глаз в неизвестных подвальных барах и опасных подворотнях, теперь сползли сюда.

Кэп показал музыкантам их вагончики, куда они скинули вещи, прежде чем отправиться в толпу.

Здоровые бородатые байкеры с грязными волосами, сви-

сающими из-под бандан, зацепились за них взглядами, ошущавшимися даже не смотря на темные очки, плотно сидящие на суровых заросших лицах.

Они осторожно обошли грозные байки, выстроенные в линию.

– Кажется, мы попали в рай! – Пэду приходилось кричать.

– Через пару лет, – Раф кивнул на стоящую поблизости палатку, из-за толпы у входа в которую невозможно было разглядеть, чем они торгуют, – так будут продаваться футболки с нашими логотипами.

– Раф, когда наша группа станет известной, я дам тебе свой автограф! – Слайд весело подмигнул ритм-гитаристу.

– Прощайте, пыльные тесные клубы! Да здравствует свобода! – слова их басиста подхватил теплый летний ветерок.

– Смотрите! – Вокалист, подняв брови, указал на футболку, висевшую на самом верхнем крючке в одной из палаток, что и позволило разглядеть ее поверх скопившихся людей. Большие кровавые буквы выстраивались в надпись «Нашествие», а ниже мелким шрифтом были выведены названия всех участвующих групп, – Там наверняка есть и мы тоже!

Вок обернулся к Насте, которую, чтобы не потерять, держал за руку:

– Надо обязательно купить нам такую! Повесим ее в зале!

Она засмеялась:

– Купим обязательно, но вешать не будем! Во всяком случае – не в зале.

Вок потащил Настю к палатке, крикнув остальным, чтоб подождали.

– Я тоже хочу! – Димон кинулся вслед.

– Ждать нельзя, вдруг закончатся! – Раф начал пробиваться через толпу.

– Возьмите, тогда уж, на всех! – голос вставшего на носки Слайда пролетел поверх голов

– Я не знаю размеров! – откликнулся Раф

– Бери, как у тебя! Я это все равно носить не буду – это трофей, как оленьи рога, или жопа козла, висящие на стене! – вторая часть фразы была обращена к Пэду, оставшемуся с соло-гитаристом.

Барабанщик засмеялся. Они еще раз окинули взглядом окрестности

– Мне до сих пор не верится, что это происходит, – глаза Пэда искрились восторгом. – Мы здесь! И мы – главные гости.

– Ну, пока про нас никто не знает, наслаждайся этим. Скоро тебя будут доставать безумные фанатки. Поверь моему опыту – это ужасно утомительно!

– Ты так говоришь потому, что все твои фанатки – это подружки твоей сестры-пятиклассницы!

– Ну-ну. Постучи тут еще. Я поумнее тех пустых ведер, на которых ты играешь. Думаешь, я не видел, как ты смотрел на девчонок, которых я тогда привел в парк?

– Ладно, Джимми Пейдж, – Пэд поморщился, – Если в сле-

дующий раз тебя будут доставать фанатки, направляй их ко мне!

Он кивнул проходящей мимо симпатичной девушке:

– Ей, привет! Мы выступаем сегодня вечером! Если дашь мне свой номер, я помашу тебе со сцены!

Она, вежливо улыбнувшись, прошла мимо.

– Не хочу огорчать тебя раньше времени, – Слайд положил руку на плечо Пэда. – Но когда она услышит, как ты играешь, то, скорее всего, уедет отсюда

– Иди, лучше, привяжи новые струны к своей балалайке. А то те, на которых ты играешь, звучат, как веревки для суши-ки беля!

– Мы посмотрим, что будет просить толпа в конце выступления – соло гитару, или долбежку твоих трещоток.

– Держите, черти! – подошедший Раф кинул им по футболке. – Первая страница в летописи нашей победы!

За ним подтянулись остальные, и они снова начали пробиваться через шумную цветную толпу.

Музыканты находились в зоне, предназначенной специально для выступающих – в отгороженном секторе для групп-новичков, где располагались их вагончики для жилья. Прохладный вечерний воздух наполняли, приглушенные расстоянием, мощные звуки музыки. Вокалист с Настей

сидели на ступеньках их «домика», в окружении остальных. Тихий разговор был прерван подошедшим «коллегой» из соседнего фургона, до этого, неподвижно стоящим у себя на «крыльце». Взгляды музыкантов задержали его на некотором расстоянии – он остановился у невидимой черты, соблюдая дистанцию, необходимую при первом знакомстве.

– Есть зажигалка?

Голос был тихим, хриплым. А его обладатель – высоким, худым, с острыми чертами лица и подведенными глазами. Длинные волнистые волосы покачивались на слабом ветерке, как подводные растения в толще темной воды.

Раф протянул вместилище огня. Парень прикурил. В свете заката, попавшем на бледное лицо, когда «гость» повернул голову, закрываясь от ветра, Вок смог лучше его рассмотреть – небольшой шрам на подбородке и, совершенно мертвые, ничего не выражающие глаза. На вид он был старше, чем участники «They want something more».

– Тоже выступаете сегодня?

– Выступаем,– Раф принял зажигалку обратно из длинных сероватых пальцев

– Бойтесь толпы,– то ли спросил, то ли сказал обладатель неподвижных глаз.

– Ха! Мы ждем, когда она унесет нас на руках!– дерзко выпалил Слайд, скрестив руки.

– Удивительно, как бездумная масса, не разбирающаяся в музыке, способна в одно мгновение уничтожить самого та-

лантливому музыканта... – узкое лицо было лишено всяких эмоций, как и тихий голос. – Или – вознести бездарного.

Он затанулся, сверкнув перстнем.

– Ты уже выступал здесь?– Вок поднялся.

– Выступал на похожих фестивалях. Здесь–впервые.

– И что же, бездумная толпа не затоптала тебя?– усмехнулся Слайд.

Стоявший напротив, кинул ледяной взгляд:

– Запомни, маленький гитарист – ты никогда не должен думать о толпе. Только так можно чего-то достичь. Мы не зря стоим выше их, а они толкаются у наших ног. В древности, арены располагались внизу, и народ, сидящий на трибунах, управлял теми, кто был под ним. Но это было давно. Теперь – мы сверху. Мы – управляем ими, нельзя давать им власть и пытаться подстроиться. Тогда – они не смогут повлиять на тебя.

Он закончил свою гипнотизирующую речь.

– Как ты узнал, что я гитарист? – вопрос Слайда был прямым и жестким.

Неморгающие глаза опустились на скрещенные руки виртуоза:

– Я вижу это по твоим пальцам. И по тому, как они двигаются.

Под пронзительным взглядом, Слайду стало не по себе. Он ощутил потребность сделать шаг поближе к своей группе, и уже качнулся в сторону, но пересилив себя, остался на

месте.

– Аид, куда ты пропал?– из соседнего фургона высунулось бородатое лицо в клубах дыма. Открытая дверь выдала переливы женского смеха внутри обители.

Бездушное лицо повернулось на голос:

– Уже иду.

– Аи-и-ид!– вывалилась шатающаяся девушка из того же фургончика – Мы тебя потеря-я-яли! Иди к нам!

Бородатый высунулся сильнее, крикнув ей в спину:

– Ей, а ну вернись! Тебе нельзя здесь находиться! Тебя не должны видеть!

Не слушая его, она подошла и повисла на плече их странного собеседника. Аид в последний раз повернул пустой взгляд на музыкантов:

– Мне пора. Удачного выступления.

Он выкинул непотушенный бычок, и заскользил, увлекаемый шатающейся девушкой.

– Жуткий тип,– Настя поежилась, подошла к Вокалисту и прижалась к нему.

– Ладно,– Вок отвлекся от мыслей, вызванных словами Аида. Думаю, надо потихоньку собираться.

Столько народу на своих выступлениях они не видел никогда! Единый гул толпы сливался с голосом ветра. Сцена

была необычно широкой, они не привыкли находиться так далеко друг от друга. Выходя, они оглядывались вокруг, не уверенные, что смогут заполнить собой все пространство. В то же время – нельзя было испуганно жаться на маленьком острове. На удивление, совет Аида пришелся кстати, и они заняли места, показавшиеся наиболее удобными, не заботясь о том, как это смотрелось снизу.

Вок кинул пару приветственных фраз в микрофон, подхваченных ревом толпы. Его голос впервые дрогнул...

Он закрыл глаза. Отвернулся от бесчисленных голодных существ, жаждущих впитать в себя пока еще не развернувшееся звучание – все, до последней капли. Медленно открыл их снова. Встретился с испуганным взглядом Пэда, сидевшим в десятке метров от него. Это вернуло уверенность – ведь лидер группы отвечал за состояние других и не мог проявить слабость в такой момент. Вок сдвинул брови, показал кулак с оттопыренными большим пальцем и мизинцем, улыбнулся и кивнул, давая сигнал барабанщику. Пэд улыбнулся в ответ, выдохнул, высоко поднял руки над головой, подержал их так секунду...и зафигачил дробью шестнадцатых!

Вок резко развернулся к микрофону, и его высокий крик ввинтился в толпу. Тут же, на помощь пришли Раф, начесывающий верхние струны, и Димон, яростно щиплющий бас. Настя подхватила высокие ноты в первом куплете. Слайд играл квинты отрывистыми ударами.

Они делали то, что умели лучше всего – вызывали бурю! Голос Вока привычно начал смешиваться с Настиным, закручивая воронку торнадо, уже затягивая ничего не подозревающие души в себя. Четыре тучи изливали мелодию, дождем затапливавшую стоящих внизу. Раздавались сокрушительные удары грома, выходившие из-под рук Пэда. Яркими молниями проносились соло Слайда. Толпа неистовала. Ее кидало из стороны в сторону в волнах шторма. И ей это нравилось. Когда Вок выдавал особо сильные порывы, поток ветра кидал первые ряды, стоящие ближе к сцене, на ограждения. Мир сотрясался. А они – были центром, пускающим эти колебания.

Как и на всех выступлениях, музыканты начали забывать себя, перерождаясь в стихию. Необузданная сила сорвала их со своих мест. Раф закрутился по сцене. Вок выдернул микрофон из держателя и уверенными шагами расхаживал по сцене. Слайд неистово метался, периодически, подбегая к Пэду и играя рядом, согнув ноги в коленях. Вок рванулся к Насте, и они исполнили концовку очередной песни в один микрофон. Он видел ее светящиеся глаза, когда два голоса становились единым.

Их песни, рожденные где-то глубоко внутри и отточенные, затем, многодневным трудом, теперь являли себя миру. Выращенные взаперти, в тесных душевных барах, здесь они смогли развернуться на полную, и, почувствовав волю, опьяненные свободой, носились, сметая все на своем пути.

И музыканты подгоняли их громкими криками, звонкими ударами тарелок, и пришпоривая острыми соло.

Эти песни будили что-то в людях внизу. Что-то не проявленное, чему всегда уделялось слишком мало времени в повседневной жизни. И это «что-то» откликалось на зов и вырывалось диким криком наружу, присоединяясь к царившему вокруг хаосу, отчего людей трясло, а их руки вскидывались вверх.

Сцена уже не казалась большой и пугающей – это был их дом! Это был их мир! И они вызывали безумства и беспорядочные движения, словно древние божества, мелькающие перед дикарями. И те, внизу, стремились принести жертву к их алтарю, украшенному возведенными мегалитами колонок – они отдавали свои голоса, выжимая весь воздух из легких. Они отдавали свои тела, подчиняясь движениям Вокалиста, повторяя за ним – хлопающим над головой. И они отдавали души, снимая музыкантов на камеры и покорно распространяя власть своих богов.

Вок щедро давал соло-гитаристу проявить себя в каждой песне, уже отзвучали многие его замечательные композиции – и та, в которой он после утвердительных бэндов грациозно шагал по грифу – два вперед, один назад. И другая, где он играл слайдом, погрузив на время толпу в подобие транс тянущимися звуками, давая возможность передохнуть толпе, чтобы, затем, вытянуть из нее остатки сил, по каплям собравшихся за это время.

Они, так же, отыграли вместе с Рафом, перекрикиваясь гитарами из разных углов сцены. Но, сходясь, они не успели добраться друг до друга, чтобы скрестить грифы гитар – из-за сложности композиции они передвигались маленькими шагами, и не сумели покрыть большое расстояние. Так и стояли на полпути, бросая друг в друга звонкие трели.

В последней песне, длящейся целых девять минут, по предложению Насти, каждый получил время для своего соло.

Начинал Вок. Инструменты замолчали, осталась только приглушенная ритм-секция – едва слышные удары Пэда в хай-хэт и бас-гитара Димона, звучащая на заднем плане. И Вокалист, в наступившей тишине, прогнал несколько раз измененный куплет, исполнив на тон выше, добавив йодль и немного расщепления. Он стоял, обхватив микрофон обеими руками, почти касаясь губами. Лицо было напряжено, но участники коллектива понимали, что Вокалист сейчас находится очень далеко – внутри себя.

Вок начал немного понижать тон голоса, добавляя к нему ярости с каждой фразой. После четвертой строки он отбросил от себя недовольно свистнувший микрофон, и в дело вступил Раф.

Под ту же приглушенную ритм-секцию, он играл фингерстайлом, смешав одновременно две мелодии: основную – звучавшую на протяжении всей песни, и – имитировавшую голос Вока, находящийся в ней. Раф повторил последние две

строки куплета, делая своеобразный бридж, и сыграл припев, залив в конце небольшое соло.

Пришел черед Насти. Ее звенящий голос затрепетал в воздухе. Тонкий, нежный, почти растворяющийся в вечерней прохладе. Конденсируясь, нотки мелкими капельками выпали на отзывчиво подставленные лица людей внизу. Они позволили смыть с себя последствия шторма – удалить налипшие частички ярости, место которой занимало умиротворение. Последние фразы прошелестели через микрофон почти шепотом. Настя отвернулась и медленно пошла вглубь сцены. Вперед выходил Димон с уверенно смотрящим вверх длинным грифом бас-гитары.

Глухие тяжелые капли упали в толпу. Они с неохотой вываливались из инструмента, ударяли плотными шлепками открытые лица и сбегали вниз толстыми ручейками. Колебания струн, толщиной почти в мизинец, были хорошо заметны, а рождаемые ими капли – невидимы, но, все же, не менее реальны. Если кто-то и думал, что бас-гитара не может звучать красиво, то теперь признал свою ошибку – люди радостно ловили эти плотные капли поднятыми вверх ладонями. Димон не спеша поднялся по грифу и ударил по верхней четвертой струне, ставя точку.

В полной тишине тихо отзвучало два такта, отмеренных Пэдом в хай-хет. Музыканты неподвижно выждали эту паузу, усиливая напряжение, а, затем, ворвался Слайд.

Не давая опомниться, он засверкал звонкими перелива-

ми легато, и люди, неожиданно для себя, оказались обстрелянными жгучими молниями, резкими вспышками мечущимися вокруг. Слайд взвинчивал неукротимый, дикий звук, хищная гитара дергалась в его руках. От попавших в нее молний, толпа взревела. Но Слайду этого было мало. Он, издеваясь над извивающимся и кусающимся звуком, трепал и выворачивал его в немыслимые положения. Вок больше не сдерживал его яростную мощь – он решил, что в свой звездный час каждый должен будет прозвучать так, как он того хочет. Слайд несколько раз делал паузы размером в секунду, обманывая слушателей ложным завершением, с последующей серией разрядов. Наконец, он сильным ударом по всем струнам, оборвал каскад ослепляющих вспышек. И за ними пришел гром...

Пэд не щадил палок. Он, поворачивая корпус, бил в плоские чаши барабанов, с сокрушительной силой вдавливал педали. Его руки мелькали, хлестко задевая диски тарелок. Пэд выбил серию триолей в малый барабан, запрокинув голову, и, после мощного удара в крэш, его руки опять смазались в воздухе. Раскатистые удары грома аккумулировались резонирующей с запозданием толпой, возвращающей барабанщику эхо. Его тело предстало рокочущим механизмом, рождая суеверные возгласы. Всегда закрепленный на одной точке, сейчас он будто рвался вперед, пытаясь разорвать невидимую цепь. Еще одна волна брейков и... гром прекратился так же неожиданно, как и начался, прощаясь затухающими

звонами нагретых тарелок.

Шторм ушел, оставив беспорядочно разбросанные обломки чувств и вывернутые с корнем эмоции.

Они стояли за сценой, не в силах отойти после перенесенного, возбужденно крича, и перебивая друг друга, делились впечатлениями. Ушедшая буря оставила им в благодарность часть энергии. На сцене уже были следующие участники, но музыканты не слышали ничего, кроме возгласов своей группы. Они сделали это! Покорили Олимп! Казалось, полученного восторга хватит на всю оставшуюся жизнь! И они, не зная, куда деть полученные силы, обнимались, хлопали друг друга по спинам, терли кулаками взъерошенные головы своих собратьев, толкали локтями. Они снова были самими собой – простыми молодыми ребятами со страхами и надеждами, целями и стремлениями, желаниями и мечтами. И если бы кто-то из публики увидел их сейчас, то удивился бы, насколько они обычные. Совсем не те, наводящие трепет, древние божества – грозные, безупречные и всемогущие. За пугающими идолами просто скрывались умелые кудесники.

В поле их зрения появилась подозрительно знакомая башка в дредах.

– Хей, еп! Ну, вы, конечно, задвинули! Я и не думал, что вы так умеете! Бесконечно горд вами, граждане!

– Фак! Как ты здесь?!.. Откуда?! Как ты... – Пэд округлил глаза, обводя пространство руками.

– Один мой знакомый тип работает тут в бригаде технарей, отвечающих за звук! Он по-тихому пустил меня за сцену. Ну да хрен с ним! Раз вы сегодня звезды, думаю, угостите старого друга! – он оглядел сощуренными красными глазами ошалелых музыкантов. – Ха! Неужели вы думали, что я пропущу выступление своих братьев?! Да я в тот же день взял сюда билет, когда вы сообщили!.. Ну, на той же неделе...

– Охрана! У него оружие и наркотики! Это очень опасный тип, уведите его! – Слайд помахал стоящим неподалеку стражникам. Они сделали шаг и остановились, неуверенные, шутит музыкант, или говорит серьезно.

– Ей! Ты че, еп! – не ожидавший такого поворота, Фак замотал головой, переводя взгляд на сомневающихся охранников и обратно на группу.

– Я серьезно! Мы его не знаем! – Слайд был беспощаден. Один охранник все же подошел:

– Извините, но здесь позволено находиться только музыкантам.

– Да ты посмотри на меня – я и есть музыкант! – Фак пытался выкрутиться, что было вполне в его характере.

– Вы участник фестиваля?

– Да! Почти! Я брат вот этих вот! – он ткнул описавшим дугу пальцем в группу.

– Вам лучше сейчас же уйти отсюда, – неумолимо сказал

охранник, беря его под руку.

– Да еп! Что за...– Фак оглядывался на музыкантов, уводимый хорошо сложенным мужчиной,– Братва! Не смешно!.. Ладно, я найду вас потом! Тусанем вместе, я познакомлю вас с отличными ребятами!

Пэд дал пять Слайду, под звонкие переливы Настиного смеха.

– А ты был прав, друг мой! Внимание фанатов жутко утомительно!– барабанщик похлопал удовлетворенного соло-гитариста по плечу.

Дни фестиваля подходил к концу. Вволю насладившиеся музыканты готовились к отъезду. Пару раз они пересекались с хвалившим их, довольным Кэпом. Анатолий понемногу привыкал к своеобразному обращению музыкантов. Хотя, порой, по привычке делал безуспешные попытки, прося называть его по имени.

Люди разъезжались. Дико выглядящие неформалы расползались по своим норам, ожидая следующей Вальпургиевой ночи, когда можно будет вылезти в мир с остальной нечистью. Трудолюбивые технари разбирали сцену, складывали оборудование. Одна за другой, исчезали многочисленные палатки. Грозные байкеры седлали коней.

Ко входу в фургон музыкантов подошел Аид. Вок загля-

нул в его неподвижные змеиные глаза, уже не кажущиеся такими пугающими.

– Вы хорошо сыграли. Может, вы и не восприняли мои слова всерьез, но подсознательно, действовали в соответствии с ними. Я видел.

– Почему же, твой совет помог нам, – Вок постарался сказать это с благодарностью, – Ваша группа тоже была на уровне.

Вокалист, с друзьями, видели их выступление, произведшее не меньший фурор. Голос Аида на сцене оказался не таким глухим и, даже, приобрел некоторую глубину. Их барабанщик жарил так, что в конце его установка, наверное, дымилась. А сам Аид частенько играл свипом, что свидетельствовало о вершине его гитарного мастерства.

Уголки губ Аида на секунду приподнялись. Вок не ожидал, что бледное неподвижное лицо способно на такие действия.

– Прощай, маленький вокалист. И вот тебе еще совет, напоследок – не думай о том, что у тебя внутри. Прислушайся к тому, что вокруг. Не разделяй Вселенную на два мира – внешний и внутренний.

– Даст Рок, свидимся! – Вок кивнул, не до конца понимая странного гитариста, но уверенный, что когда придет время, его совет снова всплывет в памяти и поможет найти дорогу.

Он проводил взглядом высокую фигуру с длинными развевающимися волосами, и вернулся в фургон, собирать

оставшиеся вещи.

Solo:

Сезон летних фестивалей давно завершился. С теплой погодой ушла и потребность в музыкантах. Во всяком случае, резко снизилась. Им все чаще приходилось возвращаться в надоевшие тесные клубы. Кэп навещал их редкими звонками. Репетиции тоже были не такими частыми, как раньше – старый материал они отточили до блеска, еще когда готовились к «Нашествию», а с новым что-то не ладилось. Возможно потому, что после фестиваля они ожидали резкого взлета. Волна дала бы им новый заряд. Но ее не последовало. А возвращения к прежней жизни они не хотели.

Слайд пинал ногами опавшие листья. В Парке Горького зябко ежились редкие прохожие. Он неторопливо прогуливался вдоль реки. Однажды, их группа дала здесь концерт на двенадцатое июня. Сейчас эта унылая ветреная пустыня под нависшими тучами совсем не походила на то светлое людное место, где они выступали.

Слайд посмотрел на темную ледяную воду, размеренно прорезающую путь через город. Недавно, Кэп признался, что может предложить им только такие сезонные поездки в период короткого лета в пределах пяти-шести сотен километров от Москвы – в узкой полосе от Питера до Нижнего Новгорода. В таких интервалах застревало большинство групп, сумевших показать себя. Теперь они это понимали.

Из них сделали яркий салют – вызывающий восторг, но забывающийся на следующий день.

Слайд сплюнул. Холодный порыв ветра заставил его вжать голову в плечи. Они-то решили, что добрались до верхней площадки, откуда открывались завораживающие виды на далекие горизонты. А оказалось, за последней ступенькой их ждала закрытая дверь с прочно приваренным амбарным замком. Планов на будущее не предвиделось, и группа застыла в пограничном состоянии – слишком высоком положении для игры в барах, но очень далеком от выхода в большой мир.

Толстые голуби издавали насмешливые звуки, подергивая головами. Слайд, топнув, отправил их в недружелюбное небо. За последнее время он, незаметно для себя, снизил время ежедневных тренировок. Сочинять новое не хотелось. А, проигрывая старое, он острее ощущал неудовлетворенность настоящим, сквозь просвечивающие воспоминания. Музыканты становились той самой нечистью, феерично зажигающей несколько дней в году, а остальное время незримо передвигающейся в тесных норах, ожидая, когда планета вновь займет особое положение, открыв портал в их мир.

Слайд ищущим взглядом прошелся по небу, но оно было наглухо закрыто плотными тучами.

Река вынесла одно из последних туристических суденышек. Их сезон тоже подходил к концу.

На землю опускались первые снежинки.

До Слайда донесли обрывки разговора парочки, проходившей неподалеку. Парень показывал на телефоне какой-то клип, и они с девушкой горячо его обсуждали. Из динамика выплескивался сплошной речитатив.

Слайд с презрением поморщился, и больная мысль снова сдавила голову – их стиль отмирал. Они были одними из последних, делающих попытки возродить его, цепляющихся, изо всех сил, в режущие пальцы струны, но их музыка неумолимо скатывалась в прошлое. Те жалкие крупички странно выглядящих людей, которые удавалось наскрести со всей страны на короткие дни фестиваля – последние представители их вида, и большинство особей находилось у черты зрелого возраста. Осколки некогда могучего стиля оседали теперь в неизвестных барах, бережно хранимые, но истончающиеся с каждым годом.

И музыкантам досталась эта тяжелая роль – наблюдать падение империи. Они не застали рождение и расцвет эпохи, когда большинство их кумиров выпускало многочисленные хиты, но оставленные сооружения их предшественников внушали почет и уважение, не смотря на явные признаки разъедающей эрозии, грозящей превратить их мир в руины и, вопреки неумолимо наползающим пескам времени, сохранили свое величие.

Печатный станок делал свое дело, убивая искусное и, такое разнообразное, отличающееся от мастера к мастеру, ре-

месло. Новинки были совершенно неотличимыми, быстро выходящими из строя, однодневками. Машина топтала талантливых умельцев, посвятивших много лет изучению таинства.

Миллионы новых произведений, ежедневно сваливающиеся с конвейера, были посвящены только одному – неудовлетворенному половому желанию. Безумный культ с немислимой скоростью набирал последователей.

Сильные пальцы Слайда все время двигались, не привычные к долгому расставанию с острыми струнами.

Куда делась эта романтика?! Этот запал?! Почему людям так нравилось невнятное бормотание едва открываемых ртов? То, что они называли «битом», Слайд мог сыграть, даже не беря гитару в руки – просто подойдя к лежащему струнами вверх инструменту и легко вытащив пару нот, оставив одну из рук в кармане.

«Мне не нравится такая музыка,– услышал он недавно комментарий своего творчества,– от нее болит голова»

« А от твоей появляется несварение и жидкий стул!– он тогда едва сдержался, чтобы не ударить подонка.»

Слайд поднялся на мост, гитарным грифом соединяющий берега. Здесь ветер был еще противнее. Но вид был не плохой – ему всегда нравились мосты, на них он чувствовал себя, словно на сцене. Вот, сзади шипели машины, будто массивные колонки располагались за спиной, а внизу текла река, как плещущаяся толпа. Сейчас понесется риф болтливо-

го Рафа... Слайд усмехнулся. Он вспомнил, как они стояли на том фестивале с подошедшими девчонками, докапывающимися до происхождения их прозвищ.

«Почему Раф?» – приставала одна, которой приглянулся ритм-гитарист.

«Ну-у-у, я режу неплохие рифы...» – тому было неприятно разглашать столь личную информацию.

«А почему, тогда не «Риф»?» – не унималась она.

«Потому что, когда ты бухой в хлам, произнести «Раф» гораздо легче, чем «Риф»», – встрял тогда Пэд, – «Простой стон «А-а-а» воспринимается на слух, почти как «Раф»!»

Где же твои «неплохие рифы», Раф? Группа не собиралась уже больше двух недель. И никто, из бесконечного числа знакомых ритм-гитариста, не мог им помочь, подкинув идею. Никто не вылетал на такой уровень, и им не приходилось падать.

Слайд меланхолично положил руки на шершавые перила моста. Их идола были повалены новым попсовым божком. Они все еще были прежними, но могли вызвать бурю только на глазах у «своих». В обычные же будни молнии Слайда были лишь слабыми, никого не впечатляющими, разрядами. Климат их мира продолжал меняться, и в новых метеорологических условиях, грозы были редкостью.

Мобильник издал яркое соло. Слайд неохотно взял трубку, мельком взглянув на экран.

– Да, Кэп.

– Что с вашим вокалистом, почему я никогда не могу до него дозвониться?!

– Наверно, у них с Настей есть дела поважнее, – безразлично ответил музыкант.

– Ладно, слушай. Я выбил вам местечко, Надо будет выступить через месяц.

Слайд немного оживился, но со следующей фразой продюсера поник снова:

– Зал будет небольшим. Концерт закрытый – для своих. Выступление не очень долгое – просто раз в полчаса надо будет подбадривать публику, чтоб она не скучала. Это не потребует от вас больших усилий. А в перерывах можете угощаться закусками.

Слайд молчал, немного отведя телефон от уха.

– Э-э-э, все нормально? – наконец осведомился Анатолий.

– А что потом, Кэп. – голос соло-гитариста был лишен эмоций.

– Ну-у-у, я буду искать похожие места! Нам, главное, дотянуть до лета – тогда опять развернемся! Снова потопчете большие сцены!

– Так и будем вращаться кругами? Из года в год ждать лета?

– А что не так? – непонимающе спросил Кэп.

– Ну не знаю! Ты же шарить в этой теме! Может, протолкнешь нас на радио, или нарулишь нам интервью... – Слайду никогда не нравилось объяснять очевидные вещи.

– Подожди, ты что, думал, вы будете ездить по всему миру, как AC/DC?! Или, что вас будут сутками крутить по МТВ, а прохожие на каждом шагу станут просить сфоткаться с вами и дать автограф?!

– Ну, что-то вроде...

– Парень, очнись! Ты кем себя возомнил? Думаешь ты такой один? Да на YouTube полно музыкантов, делающих не менее классные вещи. И на ваших репетиционных базах, если поискать, можно найти немало талантов. Слушай, я признаю, вы играете лучше большинства. Поэтому я и взял вас! Вы умеете зацепить! Вы – редкий товар! Но не эксклюзивный! Знаешь, сколько групп хотели бы оказаться на вашем месте?! Спроси у своих дружков, толпящихся у музыкальных студий! Так что вам крупно повезло, и ты мог бы проявить чуть больше уважения, не разговаривая со мной, как своими знакомыми-наркоманами! А теперь, бери себя в руки, собирай друзей, и бегите радостно репетировать! Ваша жизнь удалась! Не упускай момент и наслаждайся бесплатными закусками, запивая своим любимым говеным пивом!

Слайд бросил трубку.

– Пошел ты! – он смачно плюнул в воду. – Сука!

До него, наконец, дошло, что они с Анатолием не друзья – он их строгий начальник. Суровый босс.

Слайд швырнул раздраженный взгляд в реку, уже не напоминавшую рукоплещущую толпу:

– Я такой один!

Видимо, им предстояло провести десяток лет жизни, изредка собираясь перед очумелыми единомышленниками, застрять в этих узких кругах, пока Кэп не решит освежить свой вольер новыми питомцами.

Слайд с горечью вспомнил Фака – тоже редкостного говнаря и проныру, но готового в любой момент пустить к себе пожить на некоторое время, не задавая вопросов, или сорваться в час ночи, чтобы привезти комбик через всю Москву, потому что твой усилитель накрылся прямо перед концертом.

Порой, соло-гитарист думал, что его «союзники по группе» – единственные нормальные люди в этом мире. Он опасался, что когда они догадаются о словах Кэпа, столь жестко высказанные ему, как он и сам начинал догадываться, еще до звонка, может случиться непоправимое.

Слайд собрался с мыслями. Набрал Воку. Никто не ответил. Попробовал позвонить Насте. Тишина. Он нахмурился, разглядывая экран. Связаться с вокалистом, и правда, оказалось проблематично.

– Хватит трхаться! Возьмите уже трубку! – он потряс телефон.

Набрал Воку еще раз. После долгих гудков – голос Насти:

– Алло?

– Дай мне Вока.

– Его нет. Он не дома, – ее голос звучал как то странно.

Слайд не мог понять, в чем дело.

– Он ушел без телефона? Почему? Где он?

– Не знаю. Наверно, в каком-то баре.

– Что?! С кем?! С кем этот черт может выступать?! И почему мы не в курсе?!

– Да ни с кем он не выступает!– голос девушки сорвался.–

В бар ходят не только за этим!

– Ты плачешь?! – Слайд окончательно растерялся,– Что у вас случилось? Мне приехать?

– Нет, не надо. Все нормально.

– Слушай, мне надо с ним поговорить. О будущем группы.

– Это срочно? Давайждемся ближайшей репетиции.

– Э-э-э, ладно...– протянул Слайд, будто поднимая бэнд.– Я забуду место на этой неделе...

– Давай, на следующей. Нам нужно немного времени, чтобы разобраться во всем... Можешь пока ничего не говорить остальным?– она всхлипнула.

– Ты уверена, что мне не надо приехать?

– Слушай, это личное.

– Ладно, я понял.

Они попрощались. Слайд опустил голову и потер переносицу.

– Отлично! Только семейных скандалов сейчас не хватало!

Он подул на окоченевшие от телефонных разговоров пальцы и медленно пошел к станции метро «Парк культуры».

Verse 3:

*Через темную ночь пролегла автострада,
И не было больше вокруг ничего.
Полоса фонарей асфальт освещала,
Едва пробивая холодную ночь*

*Ночь была всюду. И сверху, и снизу—
Реален асфальт в полосе фонарей,
И эта дорога, по сути, повисла
В безвременье тихом. В глухой пустоте...*

*Она медленно шла босиком по асфальту,
И гасли, один за другим, фонари.
У нее за спиной плавно тьма напознала—
Исчезал этот шаткий, асфальтовый мир*

*Не знаю я, что было в ней уж такого,
Но, стоило ей подойти к фонарю—
Он вспыхивал, словно последнее соло,
Горел неестественно ярким огнем!*

*И, как только дальше она проходила,
У себя за спиной оставляя фонарь,
Он, тут же лишившись магической силы,*

Беспомощно таял и потухал.

*Она медленно шла, забирая с собою,
Последние светочи этой земли—
Все большие крепчала немая тревога...
Но тихие звезды сверкнули вдали!*

*Они появились почти незаметно,
За горизонтом, за гранью небес,
Кто знает, быть может, является это
Свидетельством вечной души фонарей...*

*Она медленно мимо меня прошагала.
Из глаз моих вырвались света лучи!
С немыслимой силой затрепетало
Сердце в охваченной жаром груди!*

*Не знаю я, что было в ней уж такого,
Но, как только дальше она отошла,
Меня за своею оставив спиною—
Застыло вдруг сердце... Погасли глаза...*

—Вок. «Ищи меня на небесах»

Слайд сдержал обещание, данное Насте – не сказал участ-

никам группы об их неурядицах с Вокалистом. Как и договаривались, выбил место под репетицию за две недели до будущего выступления – им не нужно было много времени, чтобы просто прогнать старый материал. Он старался не беспокоить парочку, давая возможность утрясти свои проблемы, но пару раз, все же, сделал безуспешную попытку связаться с Воком.

В день репетиции, Слайд решил заехать за без вести пропавшим лидером группы и его девушкой. Он с трудом нашел, где припарковать тачку, постоял у подъезда, разглядывая балконы и вспоминая этаж, и нырнул в открытую дверь, успев придержать ее за вышедшим мужчиной.

Поднявшись на лифте, гитарист потоптался на лестничной площадке, ища нужное направление, и подошел, наконец, к двери.

Пренебрегая звонком, громко постучал:

–Эй, есть кто?

Дверь открылась. На пороге появился помятый Вок с растрепанными грязными волосами, в расстегнутой рубашке, с зубной щеткой во рту, и опухшим лицом.

– Какого хрена! Что у вас тут происходит?! – яростно накинулся на него Слайд, в глубине души, расслабленно выдыхая. – Ты что, бухал всю неделю? А позвонить – не?! У нас тут, между прочим, есть общие дела, если ты забыл! Что ты делал такого важного?!

– Йуа дуал,– из-за зубной щетки во рту, ответ Вока про-

звучал невнятно.

– Ты дул?!– Слайд выпучил глаза.

Вокалист вынул щетку и выплюнул зубную пасту прямо на лестничную площадку:

–Думал.

–Е*чий Аристотель! И что ты надумал, пока мы искали тебя в канавах?!– Это было, конечно, преувеличением. Никто не искал Вока. Соло-гитарист прикрыл дела парочки от остальных, уверенный, что у них с Настей просто сложный период.

Вок подвинулся, пропуская Слайда в квартиру, явившую взгляду виртуоза жуткий бардак, и валяющиеся на полу бутылки. Классическая гитара стояла в углу с порванными струнами. Очень плохой знак.

– А нельзя было думать, не разнося квартиру?!

– Я уже не знаю, чего хочу...– Вокалист с запозданием ответил на предыдущий вопрос .

– Что ты несешь!..

– Она ушла, Слайд. Теперь я один,– он грустно улыбнулся. – Теперь я соло.

Слайд немного растерялся, но быстро пришел в себя. Это многое объясняло:

– Та-а-ак, подожди, я тут – одинокий воин пустыни. Никуда она не денется, сам знаешь – не упустит возможность выступить в нашей знаменитой рок-группе. А ты – разгуливаешь в таком виде! А если нагрянет пресса?! Где тот крутой

металлист, которого я знаю?!

Вок помотал головой:

– Она уехала в Питер... Ее позвали ребята, играющие в оркестре... Классика в рок-обработке... И рок – в классической. Какой-то крутой коллектив. Они гастролируют по миру – были в Китае, Японии, и в нескольких Европейских странах.

Слайд стоял, сбитый с толку:

– Ну...ты уверен? Может...

– Уверен

На него было жалко смотреть – поникшая голова, со свисающими плетью волос и бессильно опущенные руки. Слайд перевел взгляд на разбросанные по полу красивые рисунки на широких листах, стремящихся свернуться в трубку.

– Но почему? Что между вами произошло? Зачем ты уходил, оставляя телефон?..

– Я не знаю. Она начала вдруг закатывать скандалы, кричала, что я ее не понимаю, не уделяю времени, думаю о группе больше, чем о ней, и что-то в этом роде. Ты ведь лучше меня знаешь эти женские загоны. Я пытался поговорить, но – бесполезно... Я уходил, давая ей возможность... перезагрузиться.

Слайд вытащил из-под разбросанного вокруг хлама знакомую, футболку, видимо, в порыве ярости сорванную со стены, с надписью «Нашествие», под которой терялись многочисленные названия групп-участниц, среди которых была

и их группа тоже.

– Слушай, давай я с ней поговорю. Но...нам вообще-то, надо идти – парни ждут. Тут небольшое выступление намечается через пару недель...

Вока сокрушенно вздохнул, и продолжил сборы.

Новость шокировала всех. Они долго обсуждали ее с Воком, пытаясь помочь, предлагали различные варианты. Слайд решил отложить на ближайшие месяцы обсуждение его диалога с Кэпом. Иначе это могло окончательно доконать группу – а сейчас, ей, как никогда был нужен прочный каркас. Кэп, когда ему осторожно сообщили эту новость, посоветовал не расстраиваться – на предстоящем выступлении можно было обойтись и без девушки, а к лету, он подберет классную вокалистку.

Вока едва удержали, чтобы он не разбил телефон об стену.

Раф, после долгих попыток, сумел-таки связаться с Настей. Она чувствовала себя виноватой и неохотно шла на контакт. Но этому болтуну удалось разговорить ее.

Девушка отвечала короткими фразами после долгих пауз. Поведала про Питерский коллектив. Раф оттягивал момент, когда нужно было спросить про Вока, до последнего.

– С ним невозможно жить...– Настя немного повысила голос, когда он все же решился. – Ты же знаешь, он вечно

витает, где-то у себя в голове... Мне кажется, иногда он вообще не замечает людей вокруг.

– Что, все настолько безнадежно?

– Слушай, я все решила. Вы – классные ребята, мне очень нравилось выступать с вами, правда! Но я так больше не могу.

Они еще долго говорили, и когда Раф повесил трубку, направившись к компании, Слайд вопросительно заглянул в глаза ритм-гитариста. Тот едва заметно, чтобы не увидел Вок, мотнул головой.

Она не вернется.

Раф похлопал Вока по плечу:

– Она подумает, дай ей время!

Слайд отвернулся, беззвучно ругаясь в холодный воздух. Он не знал, удастся ли сохранить группу.

Chorus 3:

Они встречались до концерта всего пару раз. Двух коротких репетиций было достаточно, чтобы освежить в памяти хорошо отлаженные композиции. Настиного голоса, правда, не хватало. Без нее звучало как-то непривычно. Пусто. Музыканты мало общались друг с другом – потеря стояла плотным барьером. Вок, вообще, отделился от группы. На самом деле, концерт был очень некстати. И – им он был не нужен. Но, был нужен Кэпу, пытавшемуся немного приободрить Вокалиста, прося сосредоточиться. И радостно напомнившего,

что все закуски – за счет заведения.

В их задачу входило раз в двадцать-тридцать минут тор-мошить публику песней, словно какие-то клоуны, Музыкан-тов призывали просто разбавлять скучное собрание, конфе-ренцию, или, что там у них было. И вот они находились здесь, в помещении за сценой, в молчании, покорно настра-ивая инструменты.

Вок сидел на комбике, запустив пальцы в волосы. Раф приблизился.

– Слушай... забей на этого м*дака – он имел ввиду Кэпа.– Давай просто немного поиграем и свалим отсюда!

Вок выдохнул, кивнул и слабо улыбнулся:

– Все нормально. Давай психанем, как в старые добрые.

Когда музыканты вышли на сцену, их взгляды пробежа-лись вокруг. Зал оказался меньше, чем они думали. За круг-лыми столиками сидели люди в костюмах, непонятной кон-фессии, внимательно слушающие слова приветствия, веж-ливо ожидающие начала. Никакого дикого рева. Никаких безумных причесок, татуировок и проколотых ноздрей.

– Черт, мы как будто играем музыкальную паузу в «Что? Где? Когда?» – Пэд разочарованно покачал головой и напра-вился к установке.

– В доме престарелых ,– добавил Димон.

На этом вечере должны были звучать только самые мед-ленные из их композиций, или энергичные, но не очень тя-желые. В принципе, в их репертуаре было несколько работ,

похожих на рок -н- ролл шестидесятых. Ну и еще блюз. Парням, также пришлось поработать над своим образом и «прилизаться».

Они начали. Первая же песня была принята с восторгом, и вызвала бурные овации в конце. Но в течение всей композиции, эти пеньки неподвижно сидели, улыбаясь и наблюдая за группой через толстые стекла очков.

– Это позорище, братья мои!– сказал Раф в их двадцатиминутном перерыве, налегая на закуски, в соответствии с напоминанием так упорно рекламирующего их, Анатолия.

– Предлагаю навсегда забыть этот день, и никому никогда не рассказывать о нем,– поддержал Димон.

Так они выходили раз за разом. Так они и возвращались обратно.

– Мне надоело бегать туда-сюда под аплодисменты бабулек!– Пэд крутил барабанные палочки.– Я хочу месива!

– Это лучшие из поклонниц, что у тебя были,– поморщился Слайд. Ему тоже здесь порядком надоело.

Только Вок призраком ходил, не проявляя никаких эмоций.

– Я уже подумываю, не уволить ли Кэпа! – Димон прикинул, глядя в потолок.

– Во-первых, он главный, и ему придется нас увольнять, если что,– грустный Раф будто разговаривал сам с собой.– А во-вторых – что ты будешь без него делать? Так у нас хотя бы есть возможность иногда выступить на летних фестивалях.

– Терпя весь год вот это?!– Пэд яростно мотнул рукой в сторону зала.

Их свободные души чахли в неволе. Но мир не мог предложить большего.

После одного из выходов к публике, когда они уже уходили со сцены, Кэп жестом подозвал к себе Слайда:

– Что-то ваш Вокалист совсем убитый. Поговори с ним. Нельзя выступать с таким лицом.

– Да ладно, стариканам нравится. Слышишь, как они активно дергают костями, провожая нас? Спасибо, кстати, что познакомил с ветеранами русско-японской.

– Не выводи меня из себя! Я думал, мы все выяснили в том телефонном разговоре! Если наши конфликты будут продолжаться, мы завершим сотрудничество! Не нравится – будете выступать в гараже!

Слайду захотелось дать ему в челюсть.

– Ты все понял? Иди к своему приятелю, которого вы называете, как порцию китайской лапши, и немного подбодрите его, хорошо? Я могу довериться тебе, парень?

Соло-гитарист отвернулся и, скрипнув зубами, пошел к остальным. Вока еще никто не называл китайской лапшой. Если бы не приветливо улыбающийся дедуля, подошедший в это время к Анатолию и вежливо кивнувший Слайду, а, затем, начавший что-то обсуждать с продюсером, Кэп точно бы огреб. Уже потом Слайд подумал, что в таком случае это бы для него добром не кончилось – кто знает, что можно

сделать с человеком имея столько связей.

– Ну как? – Раф подждал его.– Что он сказал?

– Да что он мог сказать?– Слайд кинул взгляд на остальных, сидящих в отдалении,– Поунижал нас. Попросил прищипорить Вока. «Я могу довериться тебе, парень?». Как девятиклассница.

– Надеюсь, ты ничего ему не сказал?– Раф попытался заглянуть ему в глаза – Ты, ведь, не стал с ним ругаться? Ты же просто промолчал, да?

Слайд грубо оттолкнул его и пошел к музыкантам ритм-секции и вокалисту. Взял что-то из закусок, предусмотрительно притараненных сюда басистом. Придирчиво оглядел. Откусил. Вот он – гонорар! Вот такой он – вкус славы!

Он хлопнул Вока по плечу:

– Я поищу какой-нибудь крутой бар. С неоновой вывеской в клубах дыма и брутальным вышибалой на входе. Обещаю.

– Да ладно,– Вок улыбнулся,– стариком тоже хочется насладиться музыкой.

– Сомневаюсь, что они еще что-то слышат,– Пэд по максимуму стремился использовать подвернувшиеся возможности, налегая на угощения.

К удивлению парней, когда они вышли в последний раз, их попросили задержаться на полчаса – поиграть еще. Публика настояла.

Раф улыбнулся Воку:

– А ветхие рубят тему! Наверняка, они в свое время ту-

сили с Чаком Берри! Не исключено, что перед нами – основатели стиля!

Губы Вока дернулись в усмешке. Что ж, раз это желание публики и дополнительное время, они уже не связаны контрактом – могут играть все, что угодно. То, что они должны были, они сделали. Теперь настало время вечеринки, после закончившейся официальной мутотени.

Вок быстро огласил группе список песен.

– Уверен?– Димон опасался гнева Кэпа.

Слайд засмеялся:

– Нам нечего терять! В худшем случае – в следующий раз поедем на «Нашествие» в качестве зрителей! Мы уже были на той арене! Там нет ничего, кроме кучки таких же отбитых идиотов, как мы! Так что, нет и разницы, по какую сторону от ограждений сцены трясти башкой! Мы и так знаем, что самые крутые рокеры на этом е*чем континенте!

С улыбками сладкого предвкушения они разошлись по сцене. Несмотря на безумные слова, парни не были безумцами. Песни были подобраны пусть и активные, кричащие, но в стиле ближе к грандж-року или альтернативному, чем к тяжелому, и уж тем более, к металлу.

Они расстегнули лишние пуговицы на рубашках и выправили их из тесных ремней. Закатали рукава. Взъерошили волосы.

Кэп с опаской наблюдал за ними. Заметив это, Слайд задорно подмигнул ему. И они начали.

Барабаны растрясали застоявшийся воздух. Заскучавшие гитары встрепенулись. Звонкие бэнды, яркие вибрато – вот чего не хватало этому месту! Да, они снова вызывали пульсации! Без Настиного голоса, Вок не мог закрутить воронку торнадо, но мощных порывов ветра в грозовом потоке хватало вполне!

Центральную часть зала освободили от маленьких столиков. Их вежливые слушатели исполняли что-то вроде танца! Парням было смешно наблюдать за этими динозаврами, но, почему-то, увиденное зарядило их энергией.

Неожиданно для Вока, в его памяти всплыло худое бледное лицо Аида с подведенными глазами, невероятно талантливое, но, как и они, застрявшего со своей группой между миром больших сцен и островками прокуренных баров. Вспомнились его слабо дрогнувшие губы, изобразившие что-то немного похожее на улыбку, и его, не окрашенные, бесцветные, слова.

Странный музыкант советовал тогда меньше думать о себе. Обратит внимание на происходящее вокруг. Только сейчас Вок понял, что Аид имел ввиду. В голове пронеслись последние недели, когда он без конца крутил в мыслях свою жизнь с Настей. Не отвлекаясь ни на что – от момента встречи, до расставания. И затем снова. И снова. И еще. Как будто в мире не было больше ничего, достойного его внимания. За целые недели(!) он мог вспомнить только этот, небольшой по объему, каскад мыслей.

Раф когда-то давно сказал: «Знаешь, бесконечной Вселенной безразлично, что на какой-то ее частичке, размером с атом, у одной из бесчисленных обезьян заболел зуб».

А Вок раздул свою проблему до масштабов всего мира. Да, она ушла. Но Слайд, вон, постоянно расстается со своими. Она ушла. Но что изменилось? Он остался прежним. Он все еще был собой.

А затем, он стал обращать внимание на то, что происходило вокруг. Он был на сцене. Со своими друзьями. И они зажигали! Как и всегда! Вместе!

Он вдруг увидел все эти бесконечные репетиции, вечно болтающего Рафа, веселящегося Пэда и, подкалывающего их, Слайда, всегда готового поддержать шутку, Димона. Их постоянные шумные компании. Темные бары, с пристальными взглядами сквозь клубы дыма, Заплеванные парки, где они сидели на спинках лавок с пивом в руках, пугая редких прохожих. Бесконечные ночи, когда парни выжимали звук из своих инструментов, а он стоял с микрофоном во рту.

Вок почувствовал, как что-то, однажды утерянное, снова наполняет его изнутри. Он понесся по сцене, добавляя энергии в голос, под удивленные взгляды друзей, которые переглянувшись и обменявшись улыбками, тоже стали преображаться.

Пэд начал вскидывать руки выше головы и качаться всем корпусом! Димон ходил взад-вперед, размахивая бас-гитарой, как топором! Слайд и Раф метались в пространстве,

иногда сходясь, и начиная играть друг перед другом!

Они больше не думали о себе, став самими силами природы, бессознательными энергиями стихий!

Вок закрыл глаза, выплевывая высокие ноты в микрофон. И в нем остался лишь ветер...

Они стояли в холодном ночном воздухе. Выход здания, где только что завершился концерт, выпускал из себя группки старичков, улыбками и кивками вежливо прощающихся с музыкантами. В стороне, Кэп опять обсуждал что-то с тем дедулей, довольно пожавшим ему потом руку, и погрузившимся в огромный джип, дверь которого заботливо открыл вышколенный водитель.

Парни искоса наблюдали за ними.

– Видимо, это очень важный дед! – Пэд кивнул на сухую фигурку. – Возможно, сам фараон, вылезший из своего склепа.

– Я думаю, – подхватил эстафету остроумия Раф. – Он какой-нибудь Израильский министр рока!

– Почему бы и нет, – Вок улыбнулся своей прежней улыбкой, – Израиль – богатая страна. Их министерство культуры, должно быть, хорошо развито.

– Ты вернулся! – перебил его Слайд, и выкрикнул окружающему их пустому пространству. – Он вернулся!

– Он вернулся!– подхватили нестройные голоса, и руки захлопали Вока по плечам и спине.

– Да! В Израиле, определенно, есть должность министра рока...– рассмеялся Димон.

Привлеченный их активностью, подошел довольный Кэп.

– Прекрасно выступили! Молодцы! Вижу, к вам вернулся былой задор!

Они не нашлись, что сказать, и он продолжил:

– Я рад, что мы, наконец-то, поняли друг друга! Правда, когда вы начали сбрасывать свои пиджаки и закатывать рукава, на минуту мне показалось... Но вы – настоящие профессионалы, всем очень понравилось!

Они коротко обсудили организационные моменты, и, уходя, Кэп оглянулся на музыкантов:

– Подвезти?

– Я на своей ,– Слайд указал большим пальцем за спину.

– Спасибо, мы с ним,– кивнул Раф.

– Хорошо. Тогда, до встречи,– улыбающийся продюсер направился к своему авто.

Слайд обернулся к Воку, которому нужно было добираться в противоположную сторону от остальных музыкантов:

– Не волнуйся, я сделаю крюк. Не стоит тебе кататься с этим говнюком.

– Не надо, я на каршеринге,– Вок посмотрел в приложение.– Тут как раз, неподалеку тачка.

– Уверен?

– Да,– Вокалист улыбнулся.– Мне надо кое-что осмыслить в своей жизни.

Что ж, Вок любил побыть один.

– Ладно. Только осмысливай не как тогда, в квартире.

Вокалист засмеялся. Попрощался с группой и скрылся в темноте.

Запрыгивая в тачку Слайда, музыканты были уверены, что теперь-то уж все наладится!

Outro:

Во рту не сигарета, а травинка,

В руке его вода–не пиво

Ходил не по дорогам – по тропинкам

И жил– не в этом душном мире

Он редкий был рок-музыкант –

Мир пал во дни речитатива.

Он не бросал на ветер фраз,

Да и вообще, не много говорил

По вечерам смотрел не фильмы, а закаты

Писал он не в подъездах оскорбленья

А на листах стихи, и, иногда рассказы,

*Не рисовал х*и, а рисовал людей он*

*Был взгляд наивный, и был голос свежий,
Распахнуты глаза, как у младенца,
Лицо не скорчено от недовольства жизнью,
И рот не искривлен язвительной усмешкой*

*Короны не носил на голове,
Хотя, в почете нынче сей аксессуар,
А вместо этого – гитара на спине
И в волосах венок из диких трав*

*Любил он небо. Раз на то пошло—
Не падало оттуда птичье дерьмо,
А падал солнца свет, иль лист, иль дождь
Я все сказал. Он был один в наш век –
Из нас последний человек.*

– Раф. «В память о Воке»

Они не сразу поняли, что произошло... не сразу поверили, когда начались звонки... Уточняли и переспрашивали... И ,затем, опять уточняли... Этого просто не могло быть... День. Они смеялись вместе день назад... День назад они вместе выступали на сцене... День назад, они, в очередной раз, стали героями вечера... А следующее утро изменило их всех...

Их мир, всегда представлявшийся чем-то непоколебимым, оказался предательски неустойчив. Жизнь, в своей излюбленной манере, дурным гопником выскочила из подворотни и отняла самое ценное...

Странная пустота образовалась внутри, когда они потеряли все, что так долго создавали сообща... Как будто, он забрал это с собой...

В ту ночь, Вок разбился на арендованной машине...

Тучи. Вечные тучи. Но не огромные, грозовые, с мощными зарядами молний и тяжелым громом, а блеклые, морозящие, бесцветной хмарью отделившие от солнца нижний мир.

Да, почти в конце декабря здесь все еще шел мелкий дождь. Бесконечная осень непрерывно сочилась своим ядовитым соком.

Грязь. Его хоронили в грязь. Глубокая яма накопила небольшую лужицу на дне.

Гроб был закрыт. Тела, по понятным причинам, не показали.

Они не знали почти никого, из пришедших туда.

Но Настя там была. Она приехала. Парни далеко не сразу ее увидели – она держалась в стороне, а окрашенные в пла-

тиновый цвет волосы сбили их с толку, надежно замаскировав среди незнакомых людей. К ним она так и не подошла. Может, боялась, что ее начнут винить, или избегала лишних вопросов. Девушка стояла, низко наклонив голову, из-за чего лица не было видно. И ушла, вместе с толпой прежде чем кто-либо из группы успел подойти.

Раф хотел, было, догнать ее, но Слайд, придержав его за руку, покачал головой.

Они все еще стояли там, вчетвером. Мелкий дождь почти прекратился, и в воздухе висела водяная взвесь. Слайд сходил к машине и принес старенький рюкзак. Открыл. Протянул вперед.

Пэд достал оттуда барабанные палочки и скрещенными положил у подножия памятника. Раф вынул из кармана медиатор – стесанный о металлические струны, с эмблемой их группы. Повертел его. Опустил рядом. Димон вытащил нераспечатанную упаковку струн, также занявшую свое место среди предметов памяти. Последним попрощался соло-гитарист. Он оставил Воку слайд – этот инструмент звукоизвлечения, неизменно сопровождавший виртуоза на всех концертах.

– Пусть хорошая музыка всегда сопутствует тебе. – Раф погладил рукой холодный камень.

Они просто смотрели на отрешенное лицо, изображенное на памятнике, не зная, что делать дальше.

Из ниоткуда, фальшивой нотой выскочил Фак. Музыкан-

ты думали, что все уже давно разошлись. Вечно красные глаза, сегодня придающие образ страдальца своему владельцу, оглядели парней. Взгляд опустил на предметы, оставленные рядом с венками.

Минуту Фак стоял неподвижно. А затем, достав из кармана перочинный ножик, срезал одну из своих многочисленных кос. Свернул в кольцо и положил рядом.

– Фак! Ну, ты в край конченный!– Слайд дернул головой в сторону, под неодобрительные выдохи парней.

– Оставил с ним частицу себя...– не въехав, что перегнул, грустно сообщил он

Слайд чуть не дал ему подзатыльник, но подумал, что сейчас не время.

Пришла пора уходить. Они уже порядком замерзли. Опять начинался дождь. Музыканты медленно развернулись, с горечью отрывая взгляды от места, где Вокалист в последний раз был окружен толпой.

– Подкинешь? – Фак попытался заглянуть в глаза Слайда. Тот молча ускорил шаг...

Избавлю текст от пафосных слов о том, что мир потерял выдающийся талант, и все в том же духе. Это не так. Мир ничего не потерял. Мир, вообще, лишен событий, способных хоть как-то повлиять на него. Но они – да. Они – потеряли.

Ветер исчез. И воздух стал душным.

В их старых студийных записях Вок все еще был жив. А инструменты музыкантов преданно хранили в памяти написанные им ноты. В насмешку над ними и над их будущим, по непонятной причине, людей все больше привлекала бесцветная монотонная хмарь речитатива.

Наверно, вы сможете вспомнить детей, наблюдающих за грозой, или, даже, себя в том возрасте. Я помогу:

Они стоят с открытыми ртами и распахнутыми глазами, пораженные мощью, забыв обо всем, стремятся уловить яркую вспышку молнии и восхищенно вскрикивают от каждого удара грома. Почему же эти величественные раскаты перестают поражать людей?! Куда подевалось наслаждение бушующим хаосом стихии, когда ощущаешь свое единение с водоворотом энергии?! Неужели, скучное серое покрывало, испускающее мелкую морось, действительно более притягательно?!

Эта история началась, как начинается дождь. С нескольких неуверенных попыток. С неловких пробных шагов, мелкими каплями бьющих мимо цели. Но, вскоре, набрав размах, она переросла в настоящий шторм, шквалистыми порывами сносящий препятствия на своем пути. Причина ее появления была той же, что и у любой бури – Катарсис, Большой Взрыв, требовавший высвобождения спящих внутри сил ради создания чего-то, ранее немислимого...

И закончилась она тоже, как дождь. Резко. Неожиданно. Сразу, по достижении своей наибольшей силы...

Если вам интересно – тучи, лишённые ветра, больше не направляемые им, потеряли способность к движению. Они застыли на месте и, без подпитки влагой, поднимающейся из океанов, куда их мог доставить только воздушный поток, медленно растаяли в небе. А их последние капли творчества – высохли, не оставив абсолютно ничего на пыльном асфальте этого мира.